

попаданец

ГОЛУБЦЫ

Владимир Малыгин

ОТ КАРПАТ
ДО АМУРА

Попаданец (АСТ)

Владимир Малыгин
От Карпат до Амура

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Малыгин В. В.

От Карпат до Амура / В. В. Малыгин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-146083-9

Революция в России, к огорчению всей Европы, не состоялась. Вместо этого революционерам и всем к ним примкнувшим убедительно предложили сменить место проживания и вид деятельности. На сибирские рудники и лесоповалы! «Революция в Ирландии! Русские самолёты бомбят Париж, Берлин и Лондон! Эскадра адмирала Эссена подходит к Ла-Маншу...» – такими заголовками пестрят европейские газеты. Наяву воплощаются самые страшные кошмары Западной Европы! «Что они делают там, за границей? Эти, якобы русские подданные? Вместо того, чтобы принимать участие в судьбе своей страны, быть с ней рядом в это весьма непростое время? Рядом со всем русским народом? С тобой рядом и со мной?» Так говорит император о проживающих за границей русских подданных. Внимательно смотрит на вдовствующую императрицу Марию Федоровну и решительно заключает: – Все русские находятся здесь, в России... И в центре этого круговорота вопреки своей воле оказывается полковник Грачев! Кому еще, как ни ему, по силам организовать и возглавить военно-воздушные силы новой, свободной Ирландии? И один в небе воин! Он-то это твердо знает. И побеждает! А по возвращении домой отправляется во главе большой экспедиции на Дальний Восток – стране и государю сейчас как никогда нужно золото!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146083-9

© Малыгин В. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Малыгин От Карпат до Амура

© Владимир Малыгин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Цикл Владимира Малыгина

ЛЕТЧИК

Летчик
На боевом курсе!
Под крыльями Босфор
Дотянуть до горизонта
От Карпат до Амура

Пролог

Император Всероссийский заметно волновался. Впрочем, сейчас он мог себе позволить подобную постыдную слабость, ведь в кабинете больше никого не было. И можно было ненадолго расслабиться, отпустить эмоции, побыть самим собой, человеком, а не самодержцем земли русской. Последние годы он здесь очень редко бывал. И если бы не сегодняшняя встреча... Но и в Царском Селе, куда семья переехала после рождения детей, сейчас просто невозможно находиться...

Быстрыми, размашистыми шагами Николай мерил кабинет из угла в угол, чтобы хоть как-то сбросить накопившееся волнение. Изредка этот короткий маршрут менял вектор движения – государь делал несколько шагов в сторону, приостанавливался у стола, вглядывался в лежащие на столе бумаги, выхватывал из ровной стопки листов нужный ему, вчитывался в прыгающие перед глазами строчки, не фиксируя, да, в общем-то, и не понимая прочитанного, и убирал документ назад, в ту же стопку. Механически отработанным движением ладоней выравнивал бумажный столбик, стараясь, чтобы его края лежали параллельно краям столешницы, всматривался с удовлетворением в получившийся результат и тут же забывал о нем, отворачивался и шагал к окну. Здесь император замирал ненадолго, застывал, всматривался в сырую февральскую темень за окном, которую не могли полностью развеять ни уличные фонари внизу, ни яркий свет, выливающийся из многочисленных окон Адмиралтейства. Рабочий день еще не закончился.

В этом зыбком неверном свете медленно куда-то плыли по своим важным делам серые призрачные тени прохожих, мелькали чуть более темные силуэты проезжающих автомобилей, экипажей и возков. И даже недавно выпавший снег уже не радовал глаз, потому как сразу же потемнел и смешался с уличной слякотной грязью.

А вот и то, чего ждал император, почему так нервничал и волновался – обостренные чувства каким-то чудом позволили услышать и словно бы отчетливо увидеть, как к парадному входу свернула машина с крытым верхом, проехала напрямую мимо Александрийского столпа на площади. Мазнула желтым светом фар по фасаду, развернулась боком и остановилась. Почудилось даже хлопанье дверцы авто, неразборчивые голоса и последующее за этими звуками металлическое бряцание оружия караула на входе... Мистика...

Николай развернулся лицом к входной двери и замер. Сейчас все окончательно решится. Оттого-то он так и волнуется. Только вот теперь эти яркие и сильные эмоции никоим образом не выказывались им, они привычно и тщательно спрятались где-то глубоко внутри. Но это для посторонних, для чужих. Свои все равно сразу бы заметили это волнение... Да и впрямь, как ни пытайся утрамбовать это волнение, а мало что получается. Прорывается оно из глубины души, прорывается наружу, давит верх груди и щекочет горло. Да так, что кашлять хочется... И император не выдержал и на самом деле откашлялся, пока еще никого нет...

Минутная стрелка напольных часов коснулась двенадцати, и добросовестный механизм начал отбивать положенное количество ударов. Мелодичный звон не успел затихнуть, как распахнулись двери, и кабинет стремительно заполнился новыми звуками – глухим перестуком каблуков по ковровому покрытию и шорохом платья. Император вздохнул, волевым усилием задавил щекочущий и рвущийся наружу кашель, плотно сжал губы и решительно шагнул навстречу матери...

– Так вот что было в этом послании Павла... – Мария Федоровна внимательно выслушала короткий рассказ сына. Повела бровью и задумалась. Вдовствующая императрица сидела ровно, привычно не касаясь лопатками причудливо выгнутой спинки кресла. Ощутимо сгустилась тишина в кабинете. Замер дворец. Молчал и стоящий напротив матери Николай. Минутная стрелка успела медленно обежать один полный круг, второй...

Мария Федоровна выпрямилась. Пронзительно жалобно скрипнул стул, разбивая своим скрипом застывшую тишину кабинета. Императрица чуть заметно поморщилась и наконец-то продолжила говорить, тихо и спокойно, стараясь тщательно взвешивать каждое свое слово. – Пророчество Авеля... Не понимаю, что в нем такого особенного и таинственного, что стоило вам с Аликс скрывать столько времени? Подумать только, столько лет хранить от меня его содержание... Однако, как я и предполагала когда-то, ничего нового в нем нет. *Мы* с твоим папá так и предполагали...

Последнюю фразу императрица и мать выделила весьма значимым тоном.

– И ничего не сказала мне?

– Зачем? Ты тоже промолчал. Да и о чем мы могли бы тебе рассказать? О своих догадках? Глупо... Не нужно взаимных обвинений. Об этом письме все прекрасно знали. Правда, никогда не воспринимали это послание всерьез, как, к сожалению, не воспринимали и самого Павла. Мол, очередная странная причуда твоего весьма своеобразного предка. И о содержании этого послания было несложно догадаться, стоило только сопоставить день и время его написания, предшествующий этому разговор императора с монахом-прорицателем и последующее за ним заключение этого монаха. Очередное пророчество... И несчастный предсказатель... Воистину злая усмешка судьбы – владеть подобным даром, знать судьбы людей и провести полжизни в казематах за это знание.

– Так ты считаешь, что это серьезно? Все то, что он предсказывает мне и моим детям? – выдохнул Николай. Выдохнул и замер в ожидании ответа.

– Ники, Ники... Мало ли что я считаю? Главное, что считаешь и во что веришь ты...

– Все, что он предсказывал, все сбылось...

– Не все, но большая часть. Впрочем, смотря как толковать его пророчества...

– Как толковать... – тихо повторил Николай. Замолчал, отвернулся от матери и посмотрел в темноту за окном. И после короткой паузы так же тихо проговорил куда-то и кому-то в этой темноте:

– Я решил передать трон и корону Олегу...

В кабинете повисла еще более вязкая тишина. Император молча постоял какое-то время, взглядываясь в притягательную и спасительную именно сейчас темноту за стеклом, словно стараясь самым внимательным образом рассмотреть что-то этакое, одному ему понятное там внизу. А на самом деле просто опасаясь повернуться и посмотреть матери в глаза...

– Что ты молчишь? – все-таки не выдержал этой тишины и тягучего молчания. Не выдержал и оглянулся через плечо.

– Разве тебе нужны сейчас мои слова? Ты ведь уже все решил?!

– Решил! И хочу знать, что ты поддержишь меня в моем решении.

– Скажи... Почему именно Олегу? А почему не Алексею? Не Михаилу? Кириллу? Владимировичи точно будут против...

– Говорил кое с кем... Михаил такой же, как и я. Для него на первом месте всегда будет семья. Да и отказался он от короны...

– Когда? Разве ты ему ее уже предлагал?

– Нет, не предлагал. Мамá, вспомни «пророчества» твоего протеже, этого вашего «нового Авеля». Он и мне и тебе тоже рассказывал о грядущем, о наступающих событиях и переменах. Помнишь? По его словам, брат тогда через день отказался от власти... Так что нет, пока не предлагал. И Николаю это не нужно... Да никому из князей это не нужно! Ответственность, обуза... – с болью в голосе воскликнул император. – А Олег... Молодой, с горячим сердцем, всей юной душой стремящийся к переменам... Пожалуй, он единственный, кто не откажется сейчас от короны. А мне лучше уйти и заняться семьей. Именно сейчас, когда в стране царит всеобщая эйфория от недавних военных побед. На этом фоне Олегу будет легко провести свои либеральные реформы.

– Погоди. А с кем ты тогда говорил?
– С Аликс и с Алексеем. И с девочками.
– Ты серьезно? Или это такая жестокая шутка?
– Какая шутка, о чем ты? Все всё понимают. И Алексей... Наследник... Сколько ему осталось? Сколько отмерено лет, месяцев или часов при таком недуге? А может быть, минут?
– Все равно, нельзя же так... А как же твой долг перед Россией? Ты хозяин земли русской!
– Хозяин... – скривился Николай. – Да не нужен России ни я, ни мои дети. Ни тем более моя жена!

– Даже если ты и принял это решение, оно еще ничего не значит. Я срочно собираю всех наследников. Завтра вечером... Нет, завтра не получится. Вот послезавтра... Да, пожалуй, послезавтра мы все и соберемся. Тогда ты и озвучишь свое решение. И посмотрим, во что это твое решение выльется... – Мария Федоровна с любопытством посмотрела на бледное лицо сына. – Почему Олег? И не жаль тебе этого мальчика? Он же еще совсем ребенок...

– Он единственный из князей, про кого твой «протеже»... – это слово Николай специально выделил, произнес его с явственными язвительными интонациями в голосе, – не сказал ничего плохого. И судьба оказалась весьма благосклонной к этому «мальчику», не угадал здесь твой Грачев. Он не погиб, уцелел вопреки его «пророчествам», приобрел за это время неплохой жизненный опыт. Даже с турками успел повоевать! И уже далеко не тот, привычный нам восторженный юноша с горящими глазами и томиком Пушкина в руках. Он действительно хочет изменить существующее положение дел. И может. Пока горяч сердцем и честен душой...

– Ты... Боишься? – осторожно произнесла мать после длинной паузы, глядя сыну в глаза.

– Не за себя... – Николай словно стал ниже ростом после этих слов, сгорбилась чуть заметно, но не отвел глаз от требующего ответа твердого взора матери. – За детей, за Аликс... Если моя смерть нужна России, если она поможет избежать грядущего кровопролития, то я готов пожертвовать своей жизнью. Это мой долг, как офицера, как государя, как порядочного человека, в конце-то концов! Но при чем тут дети? Или Алексей? В чем он виноват перед всеми этими людьми, так жаждущими его крови? Тем, что недостаточно настрадался из-за своей болезни?

– Николай, я не знаю, что тебе сейчас сказать... Очень уж это неожиданно... Ты останешься здесь или уедешь?

– Уеду в Крым... Я уже отправил туда Аликс и детей.

– До меня дошли слухи, что ты вызвал Григория?

– Даже моя личная переписка всем доступна, – по губам Николая скользнула едва заметная горькая усмешка. – Не волнуйся. В столице он не появится, а сразу поедет в Ливадию. Я хочу, чтобы он всегда был рядом с Алексеем. Он ведь единственный среди этого окружающего нас сонма бездарей, кто может действительно помочь. Надеюсь, что теперь старец никому не помешает и к нему, да и к нам, будет гораздо меньше пристального внимания...

– Надеюсь. Хм, и ты еще что-то говоришь о моем якобы «протеже», – улыбнулась Мария Федоровна. – Я тебя не спрашивала раньше, но теперь... Скажи, почему ты так привечаешь этого, гм, Григория и совершенно не выносишь Грачева?

– Не знаю. Мне по большому счету нет никакого дела до Грачева. А не терплю, наверное, по той же причине, по которой и Павел, и Александр не терпели всех этих «предсказателей» рядом с собой! Они никогда не предсказывают хорошее, только скорую смерть! В Петропавловке таким провидцам самое место! Это я еще про Маринкино проклятие ничего не говорю сейчас! – Николай отвернулся к окну, взгляделся невидящим взором в стекло, в свое отражение. Помолчал, успокаиваясь и унимая вспыхнувшее раздражение и злость, выдохнул, отшагнул от окна, развернулся и поднял голову. Задержался взглядом на гербе Романовых над камином, перевел глаза на портреты членов Императорской фамилии. Продолжил: – А Грачев пусть тебе

спасибо скажет, что твоим заступничеством в подвальных казематах не оказался... Григорий же... Старец для Алексея все сделает! Только из-за одного этого его рядом и терплю...

Глава 1

Погода в Петрограде стояла пренаипакостнейшая. Крепкие предновогодние морозы постепенно пошли на спад, январь раскис слякотью, сменяющейся гололедом, а знаменитые февральские морозы где-то точно заблудились.

В начале марта Нева начала потихоньку просыпаться от зимней спячки, все активнее и активнее ворочаться в своем каменном ложе, понемногу сбрасывая с себя надоевшее ледяное одеяло. До ледохода дело еще не дошло, но вот пересекать реку по льду было уже рискованно. Находились, куда же от них денешься, смельчаки, перебиравшиеся по каким-то особо важным нуждам на другую сторону реки, но их были единицы. А остальные смотрели на них с интересом, мол, провалится или нет? Крутили у виска пальцем и, плюнув, предпочитали потратить пусть чуть больше сил и времени, но добраться до надежных каменных мостов.

Ночами морозы еще брали свое, пытались хоть немного наверстать упущенное и всеми своими силенками затянуть бурливую стылую воду ледяной пленкой, но силенок тех уже не хватало. И на утро ледяная пленка быстро размывалась, топорщилась на заломах прозрачными блестящими гранями. А торжествующая река чувствовала приближение весны, с каждым новым днем все сильнее и сильнее рвалась на свободу, выплескивала накопившееся раздражение из-под ледяного панциря наружу, выхлестывалась и растекалась по его поверхности огромными черными кляксами.

Мокрый и от этого еще более холодный ветер с залива нес с собой серую хмарь низких облаков, закручивался недовольно серой ватой вокруг золоченого адмиралтейского шпиля и срывался колючими смерчами в прямую перспективу столичных проспектов и улиц. Рассыпался там зарядами мокрого снега, забирался под одежду горожан, продувал тело до самых костей, заставляя прохожих ускорять шаг и ежиться от стылого колючего озноба...

На заводской аэродром наш самолет садился как раз под полуденный пушечный выстрел. Слышать мы его, конечно, не слышали, но вот белое облако выстрела на фоне темной крепостной стены увидели. При заходе на посадку. Как раз в этот момент проходили на траверзе Петропавловки, нарушая тем самым все приказы и установки столичного начальства. Полеты-то над городом запрещены...

Только вот думаю, что никто на подобное нарушение и внимания не обратит. Не до того сейчас чиновникам и вообще всем власть имущим. Им бы хоть как-то умудриться на своих креслах усидеть...

Покосился краем глаза на крепостные стены Заячьего острова, на уходящий в облака шпиль Петропавловского собора. Это нам еще повезло, что именно на его траверзе прошли. А если бы снижаться начали над городом, а не заранее? Глядишь, и смахнули бы эту иглу крылом... Так что точно повезло. Впрочем, везение – это неотъемлемая часть нашей профессии. Столь же важная, как и летное мастерство.

Вот потому-то и снизились мы еще перед городом, где точно знали, что не будет под нами никаких подобных сюрпризов. Прошли насквозь толстую перину облаков и пошли дальше над городскими кварталами по правилам визуального полета. Осторожно пошли, потихоньку, с выпущенными шасси и закрылками, памятуя о торчащих вверх заводских трубах, о впившейся в мягкое подбрюшье низкой облачности длинной тонкой игле петропавловского шпиля.

Летим над крышами, воронье с голубями гоняем, обывателей ревом моторов пугаем. Надо бы повыше держаться, да там как раз облака плотной периной висят. А в облаках лететь никакого резона нет. И опасно, и как нам потом на аэродром заходить? По сапогу? Даже не смешно. Приводных систем нет, а по одному компасу на месте не определишься. Так что только вот так, визуально...

Тоже дело непростое. Высота небольшая, напрягаться приходится нешуточно. Опять же те же самые только что уже упомянутые птицы, чтоб они все передохли от какой-нибудь заразы! И чайки... Ненавижу чаек! Сразу Ревель вспомнился, аварийная посадка из-за поднявшихся с воды бестолковых птиц. Того и гляди, влетит какая-нибудь шальная пернатая в двигатель, а внизу город...

От Невы начали уходить влево. Как раз над Зимним проскочили, оставили дворец с левой стороны. Еще мысль мелькнула – опять государь сердиться будет, снова на меня всех собак навесит. Мелькнула и бесследно пропала. Да и пес с ним! Может, его уже и в столице нет. Нам, главное, сесть сейчас. А остальное... Остальное если и будет, то потом!

При виде знакомых аэродромных ангаров на душе посветлело, даже спину выпрямил. Выполнили разворот со снижением, вышли в створ посадочной полосы, прибрали обороты – и вот она, серая от раскисшего снега родная грунтовка.

Сели, словно к маслу притерлись. Прокатились, разбрызгивая снежную грязную кашу из-под колес, быстро потеряли скорость, даже тормозить не пришлось, и развернулись в середине полосы, порулили прямо к нашему ангару, к встречающим самолет людям...

– С возвращением, Сергей Викторович. Вы готовы? Тогда поехали. Его высокопревосходительство вас с утра ожидает, – не успел вылезти из кабины, как меня сразу же озадачили приглашением, от которого никак нельзя отказываться. – Долго вы добирались...

Да и знал я об этом приглашении давно, если честно. Потому-то и порулил прямо к встречающей нас группе, минуя неразличимые в этой снежной каше рулежки. А по большому-то счету какие сейчас могут быть рулежки, если все вокруг снегом мокрым завалило, а флажков и вешек, обозначающих их границы, никаких почему-то не стоит. Убрали зачем-то...

А насчет этого приглашения и нашей задержки... Так погода по маршруту стоит далеко не весенняя. Лишь в Иркутске да еще в Красноярске полюбовались напоследок голубым сибирским небом, а потом все, кирдык хорошей погоде. Чем дальше на запад, тем хуже. Горизонт затянут сплошной плотной облачностью, придавливающей самолет к земле, сбивающей с маршрута сильными ветрами и многочисленными осадками. Да-а, снега-то у нас везде хватает... И ближе к столице этого добра навалом, как я вижу. Только мокрого. Знай успевай отгребать.

Поэтому и обратный перелет в столицу у нас вышел весьма затяжным, продолжительным по времени стоянок на промежуточных аэродромах. Приходилось сидеть и ждать более или менее подходящей для вылета и особенно для посадки погоды. Связь... Связь между точками была. Но и лететь нам от точки до точки не один час и даже не два. За это время все может случиться. Взлетали при нормальной погоде, а уж садились даже не по прогнозу, а как бог на душу положит. По фактической садились. А фактическая не давала заскучать и с завидным постоянством подкидывала разнообразные сюрпризы. То низкой и плотной облачностью к земле так придавит, что поневоле приходилось снижаться на заходе до минимальных высот, то осадками в виде снежных зарядов порадует.

Это еще хорошо, что пока строения внизу не столь многоэтажные и нет ни высоковольтных столбов, ни мачт ретрансляторов, ни труб... Насчет последнего я погорячился. Трубы заводские были. В большом количестве и довольно-таки высокие. Но маршрут знакомый, поэтому и строили заход на посадку по возможности с того направления, где этих труб по определению не должно было быть. Все-таки нижняя кромка облачности нередко опускалась до сотни метров, а порой и того менее. Да еще и разнообразные туманы регулярно присутствовали.

Так что спасибо прежним навыкам – на карте по всему маршруту были подняты опасные высоты, отмечены все искусственные сооружения в районах аэродромов взлета и посадки. А в отдельном блокнотике и схемы захода для каждого такого аэродрома нарисованы.

А снег... Снег-то ладно, с ним приходилось просто лишние дни сидеть безвылазно на аэродромах и ждать улучшения погоды. И каждый новый день брать в руки скребки и метлы и очищать от тяжелой снежной корки не только поверхности самолета, но и стоянку вокруг него. А самое неприятное, так это то, что у нас лыж нет. Колеса у нас. Вот и приходилось подолгу ждать, пока расчистят или утрамбуют для нас взлетную полосу и узкую дорожку для руления. Это когда на улице минус стоит. А вот когда плюс, то это отдельная история...

Ну и посадка в условиях снегопада то еще удовольствие. Но ничего, справлялись. И заряды с градом не так страшны. Самолет-то у нас уже далеко не тот фанерно-тряпичный, где обшивку крыла можно было пальцем проткнуть... Перегибаю, конечно – пальцем не проткнешь, скорее палец сломается, но все равно, даже на этой машине под градом находиться приятно мало.

Да и не в обшивке дело, а в моторах. Точнее, в их масляных радиаторах... Вот здесь град совершенно не нужен. Крупные градины плюс скорость... Вполне могут и трубки масляных радиаторов побить. Оттого-то и приходилось подолгу сидеть и ждать. То более или менее нормальных условий на взлете и по маршруту, то подходящей погоды на аэродроме посадки.

Особенно долго пришлось просидеть на Урале, почти неделю. Вот тогда-то и вызвали меня на местный КП, к телеграфу. Лично Батюшин Николай Степанович нас потерял – обеспокоился нашим столь долгим отсутствием. Мне вот интересно, это он так за нас переживает или за наш ценный груз?

Пришлось объяснять причины задержки и выслушивать, то есть вычитывать на телеграфной ленте приказание сразу же после прибытия в столицу явиться пред ясные очи начальства.

Ну и что за новые вводные? Снова придется лететь куда-нибудь к черту на кулички? Очередная авантюра у Николая Степановича нарисовалась? Но догадки и предположения оставил при себе, дальнейшие вопросы задавать и доверять их телеграфу поостерегся. Вместо этого предпочел отстучать «Есть!». Не сам, конечно, отстучал, а телеграфист мой ответ на ключе оттарабанил. На этом общение под размеренное стрекотание телеграфного аппарата благополучно завершилось... Так что к тому, что на столичном аэродроме нас, а точнее меня, будут обязательно ждать, я был готов...

К Батюшину меня отвезли на автомобиле. Проехали по столичным мостовым, разбрызгивая грязную снежную кашу. Проскочили под аркой Измайловского проспекта, оставили в стороне Исаакиевский собор... Сказать, что я удивился маршруту, это значит ничего не сказать... Мы же вроде к Николаю Степановичу должны были ехать?

Проводил взглядом уплывающие назад деревья Александровского сада, его кованую ажурную ограду, Адмиралтейство. Все понятно. Машина выехала на Дворцовую площадь, свернула к левому крылу Зимнего. Успел еще увидеть ошалевшего от нашей наглости городского у Александровского столпа, насторожившийся караул на входе, и на этом все – остановились перед «Собственным» подъездом.

Название это я только сейчас и услышал. От порученца. Вдобавок при этом офицер продолжительно так посмотрел на меня. Со значением. И снисхождением, что ли? Где-то в глубине его глаз промелькнуло что-то этакое. Мол, гордись оказанной тебе честью. А мне как-то и все равно. Нет, то, что меня во дворец привезли, это сильно так напрягло. А вот то, что именно к этому подъезду... Да какая мне теперь разница? Поэтому многозначительный взгляд офицера проигнорировал. Ну не до подобных мелочей мне сейчас!

Порученец выскочил из автомобиля первым, притопнул ногами, сбивая с сапог грязь, потянул на себя тяжелую филенчатую дверь и оглянулся. Ну да. Я-то никуда не спешу, потому и выбрался из теплого автомобильного нутра спокойно. Пошел за офицером, перехватил и придержал дверь, шагнул в зеленого цвета тамбур. И так же неторопливо вслед за ним поднялся по ступеням лестницы, стараясь автоматически идти чуть сбоку ковра. Ну, чтобы этот самый ковер грязными сапогами не пачкать.

А вообще, безлюдно здесь как-то. И порядка не наблюдаю. Неужели некому было снег со ступенек на входе смести? Да и вокруг вообще убраться бы не помешало... Бардак какой-то...

– Ну, наконец-то! – Его высокопревосходительство не побрезговал и встретил меня на пороге своего, а может и не своего, кабинета, стоило только адъютанту доложить о моем прибытии. – Столько срочных дел, а вы в своей Сибири прохлаждаетесь!

Отмахнулся Николай Степанович от моего доклада и пригласил присаживаться к столу:

– Надеюсь, долетели нормально? И с самолетом все хорошо? – спросил сразу же, как только я уселся.

– Так точно! – пришлось вставать и докладывать.

– Полноте, Сергей Викторович. Довольно. Присаживайтесь и рассказывайте.

Ну, раз нужно, то можно и рассказать о том, как добрался в столицу. Правда, сомневаюсь, что Батюшина так уж мои дорожные приключения интересуют. Скорее всего, Николаю Степановичу нужно время, чтобы окончательно принять какое-то решение. Какое? Вот в чем вопрос. Особенно если принять во внимание недавнее отречение Николая. Довольно-таки странное отречение.

– Так говорите, все у вас хорошо? – задумался на миг Николай Степанович. Выбил глухую и причудливую дробь пальцами по лакированной столешнице и решительно выдохнул: – Ладно. Хватит ходить вокруг да около. А скажитека, Сергей Викторович, что вы обо всем этом думаете?

– О чем именно? – осторожно уточнил.

– Да обо все этом! – показал глазами на портрет нового государя Николай Степанович, да вдобавок еще и характерно так рукой вокруг себя обвел.

– Ничего не думаю, – попытался увильнуть от разговора. Не вышло.

– Сергей Викторович, – протянул с укоризной в голосе Батюшин. – Ну не хотите мне говорить, так это ваше право. Догадываюсь, что вам было запрещено ранее говорить с кем-либо на подобные темы, но сейчас не тот момент... Да и этот кабинет предполагает относиться к его хозяину с куда большим доверием и откровенностью... Не находите? Нет? Жаль, очень жаль. Тогда хотя бы меня выслушайте мои выводы и предположения. Глядишь, и передумаете играть в молчанку...

Генерал поднялся на ноги, жестом придержав меня на месте. Шагнул к окну, выглянул на улицу и развернулся ко мне лицом:

– Николай Александрович сразу же после отречения уехал в Крым. Вместе с семьей.

Шагнул вперед и развел руками:

– Не понимаю! И все! Такие блестящие победы! Одно только взятие Проливов чего стоит! А Константинополь? И после всего этого добровольное отречение... Не понимаю! И ладно бы Михаилу Александровичу державу передал, это бы мы все поняли и приняли. Но кому? Олегу?! Мальчишке!

Николай Степанович шумно перевел дыхание, присел к столу и тут же снова вскочил, отошел к стене:

– Ходят упорные слухи, что настоящей причиной отречения стало совсем другое – государь испугался старого пророчества...

Батюшин замолчал, потянул драматическую паузу, словно вынуждая меня проявить любопытство и заинтересоваться только что сказанным. А мне не любопытно. Я про это пророчество давно знаю, еще оттуда, из той своей жизни. И меня сейчас весьма настораживает вся эта нарочитая патетика. Как-то подозрительно она выглядит в этих стенах. На кого рассчитана? Точно не на меня... А тогда на кого? А пауза-то затянулась. Похоже, придется очень аккуратно подыграть Николаю Степановичу:

– Не слышал. Что за пророчество?

– Не знаете? Странно. И про монаха Авеля не слышали? Ну как же? Впрочем, вполне возможно. Сей монах весьма искусно пророчествовал. Видел, так сказать, будущее... И рассказывал о своих видениях государям. За что неоднократно был взят под стражу и отправлен в заключение. Видимо, не совсем добрыми были те предсказания... – Батюшин мягко оттолкнулся от стены и, бесшумно ступая, переместился к столу, наклонился в мою сторону. – Скорее, совсем недобрыми... Вам это ничего не напоминает?

– Нет. А это должно мне что-то напоминать? – постарался не выказать своих эмоций. Да что он все ходит вокруг да около? Давно пора переходить к делу!

– Не знаю, не знаю... Но вот что самое интересное... – наконец-то выпрямился Николай Степанович, перестав нависать надо мной. – Все эти так называемые пророчества сбывались!

– А я-то тут при чем?

– Сергей Викторович, похоже, вы в своей Сибири успели забыть о том, какое ведомство я имею честь возглавлять. Неужели думаете, что и ваши так называемые пророчества остались мне неизвестными? Я даже знаю о том, что именно вы напорочили Николаю Второму.

– И что? – не стал отказываться. Ну, знает, велика ли беда. Я и вправду никому об этом не рассказывал. Никому, кроме Марии Федоровны. Значит, утечка произошла из окружения, причем ближайшего окружения, государя. Уже бывшего государя.

– Да то, что ваши слова полностью совпали со словами Авеля! Вы знали о том, что император Павел перед своей смертью оставил запечатанное послание для своих потомков, которое нужно было вскрыть ровно через сто лет?

Кивнул утвердительно головой. Кивнул и сразу же спохватился. Только уже поздно было. Поймал меня Николай Степанович.

– А ведь в начале разговора вы уверяли, что ничего не знаете... Но ладно. Пока пропустим. Тогда вы должны знать, что в этом послании предсказывалась и недавняя война, и скорая страшная гибель всей царской семьи! – Батюшин перестал наконец-то нависать над столом и сел на стул напротив. И, чуть понизив голос, проговорил: – И вы ведь, Сергей Викторович, говорили государю то же самое!

– И что? – еще раз повторил свою недавнюю фразу.

– Если бы не ваши высокие заступники, сидеть бы вам в Петропавловке за свои пророчества! Вот что! А вы легко отделались... Вас всего лишь отлучили от двора... Предполагаю... Да что там предполагаю – знаю! Именно это вам и было нужно на самом-то деле! Свобода! Относительная, конечно. Но тем не менее свобода...

– И что?

– Ничего, – Николай Степанович откинулся на спинку стула. – Ничего. Не доверяете...

– Ваше высокопревосходительство, я до сих пор не понимаю, к чему весь этот разговор? Что вы от меня хотите?

– А я разве не сказал? – удивился Батюшин.

Вот только удивление то было притворным, не натуральным. Вижу же, что у генерала чертики в глазах так и прыгают. Похоже, это все прелюдия к основному разговору. Ну что еще меня ждет?

– Что ожидает Россию с приходом Олега?

Что? Вот так просто возьми и выложи им неизвестное мне будущее? Если он настолько осведомлен о том, что я якобы пророчествовал, то наверняка должен знать и о том, что способности к этому у меня якобы пропали. Да само собой, что пропали. Ведь развитие истории уже пошло совершенно по другому пути. Так откуда я могу знать, что дальше будет? Получается, зря Батюшин так хорошо о своих профессионалах отзывается, если они этого не знают. Только вот что мне дальше делать и говорить? Ведь что-то отвечать на заданный вопрос придется. Отказываться и все отрицать глупо. Слишком по-детски это будет выглядеть. Вот только понять бы, нужен ли мне этот ответ?

– Николай Степанович...

Батюшин замер в ожидании ответа и никак не отреагировал на подобное вольное обращение. Да и какое оно вольное, если он сам мне неоднократно разрешал именно подобным образом к себе обращаться.

– Если вы все знаете, то тогда должны знать и о том, что после моего падения со скалы в Карпатах я потерял все свои способности. Утратил дар предвидения.

– Это на самом деле правда? – с недоверием прищурился генерал.

– Это соответствует действительности.

– Жаль. Очень жаль. Тогда вы ничего не сможете сказать и о другом так называемом пророчестве. О проклятии Марины Мнишек?

– Не смогу, вы правы. Я даже и не слышал о таком проклятии, – покривил в очередной раз душой и увильнул от правдивого ответа. Оно мне нужно, толковать подобные проклятия? Того и гляди, пристегнут к нему и обернуться не успеешь, как на плахе окажешься... Или на помосте... С перекладиной над головой и веревкой на шее...

– Еще раз повторю, очень жаль. Действительно, не слышали? – с участием в голосе слегка склонился в мою сторону Батюшин.

– Если и слышал когда-то что-то, то в данный момент ничего об этом не могу сказать. Говорю же, амнезия у меня после падения.

– Странная какая-то у вас амнезия, выборочная. Тут помню, тут не помню. Чему вы улыбаетесь, полковник?

– Голова предмет темный, малоизученный и научному анализу не поддающийся...

– Да уж... – Глаза Батюшина на какой-то короткий миг вильнули в сторону.

Вот если бы не смотрел все это время ему в лицо, то и не увидел бы этого влияния взглядом. Очень уж подозрительно все это. И этот разговор. Куда он там смотрел? Ну-ка... Что там, в той стороне, интересно? Стена... Или что-то за стеной? Может быть, кто-то? А кто? Кому может быть интересен подобный разговор? Кто был в курсе моих откровений? Мария Федоровна и Николай. В весьма малой мере Джунковский, Эссен и Остроумов. Последних двух можно вообще в расчет не принимать. Я им слишком мало говорил. Да и то, что говорил, относится или к ним самим, или к весьма общим сведениям. Весьма малым. Тогда Джунковский? Тоже вряд ли. Владимир Федорович подобные вопросы не стал бы задавать. Он и так в курсе моих дел. И вряд ли стал бы прятаться за стеной. Если бы это был он, то я сейчас находился точно не в этом кабинете... Остаются первые двое. Исключаю Марию Федоровну. Не станет она никому обо мне рассказывать. Николай? А вот этот вполне мог поделиться моими откровениями с семьей. Или с преемником? Получается, за стеной Олег?

От подобного предположения стало несколько не по себе. Хотя лишнего я ничего не сказал. А то, что пытается мне сейчас приписать Батюшин, так это только его собственные слова. Пусть они так и остаются его словами. Зато тогда становится понятным и вполне объяснимым мой приезд именно сюда...

– Сергей Викторович, вынужден оставить вас на минутку. Посидите пока в одиночестве, а я скоро вернусь.

Николай Степанович вышел из кабинета. А я замер на стуле. Угадал? Похоже на то. На что это меня провоцируют? На какие действия? Или у меня паранойя разыгралась? Ну, разыгралась или не разыгралась, а посижу-ка я на месте. И даже шевелиться не буду. Стоп. А может, все гораздо проще? Может, я и впрямь правильно угадал? И там за стеной действительно Олег находится? И Батюшин просто-напросто пошел у него дальнейшие инструкции по ведению разговора получать? Да ну, бред. Олег слишком молод для подобного. Молод не молод, а сбрасывать подобное предположение со счетов не стоит. И дергаться тоже не нужно. Ждем, как бы ни было трудно ждать.

– Значит, вы уверяете, что самолет ваш полностью исправен и готов к вылету? – Прямо с порога начал говорить Батюшин. Единственное, что перед этим сделал, так это за собой плотно дверь прикрыл.

– Исправен и готов, – еще раз повторил я.

– Хорошо, – Николай Степанович подошел к стене, сдвинул в сторону зеленую штору, открывая взгляду висящую на стене огромную карту. – Прошу вас, подойдите.

Подождал, пока я выберусь из-за стола и подойду, взял в руки небольшую указку, продолжил:

– С этого момента, Сергей Викторович, все сказанное мной должно сохраняться в тайне. Понимаете? Подписывать еще какие-то бумаги я вас заставлять не собираюсь. Вы их и так достаточно много подписали. Поэтому будем рассчитывать на вашу благоразумность. Сейчас наступил именно один из тех моментов, ради которых вас и привлекли к моему ведомству.

Секундная пауза. И следующие слова Батюшина вызвали во мне явное и неприкрытое недоумение:

– Ни в какой Крым Николай Второй не уехал. Все, о чем писали газеты, всего лишь выдумки для отвлечения внимания. На самом деле император решил вместе с семьей совершить плавание на «Штандарте» вокруг Европы. И уже только потом остановиться в Крыму...

Глава 2

– Зачем? – мое недоумение от подобного поступка можно было кусочками нарезать. Бред сумасшедшего же! Ну какое сейчас может быть путешествие вокруг Европы? И не удержался, высказал свое недоумение.

– Это у нас с Германией вроде бы как мир, а в Европе-то еще ничего не закончилось. Воюют-с. Режут друг друга почему зря. Или я что-то в своей, как вы говорите, Сибири, пропустил?

Как и ожидалось, мой явный сарказм остался без ответа. Для приличия подождал секунд десять, ну а вдруг ответит? Не дождался, но и оставлять этот вопрос без разъяснения нельзя. Слишком уж все странно. Поэтому немного перефразировал:

– И что, неужели здравомыслящих людей в его окружении в Царском Селе и в столице не нашлось, чтобы отговорить от этой безумной затеи?

– А никто и не знал об этом решении. Эта авантюра, а по-другому ее и не назовешь, была проделана в большой тайне. Да-да, на удивление в тайне, – уточнил Батюшин, видя мою весьма недоверчивую реакцию на его слова. – Сие даже мне до поры неизвестно было, потому как в тот момент и других забот хватало.

Непроизвольно дернул бровью. Да не может такого быть! Это же император! Бывший или не бывший... Первое лицо государства! Ну какие могут быть другие заботы? О чем он вообще говорит? Или таким образом сейчас пытается себя оправдать?

– Вы бы видели, что в те дни в столице творилось, – прекрасно понял мои сомнения Николай Степанович. – Государь же от короны отказался! Народ взбаламутился. Да так, что нам всем пришлось за порядком присматривать. Едва до кровопролития на улицах не дошло. Совсем без помятых да поломанных не обошлось, честно говоря, но эту смуту с трагическими событиями на Ходынке и близко не сравнить. Господь миловал, не дал повториться подобному. Так что каюсь, проморгал отход яхты, не до того мне было.

– Понятно, – протянул я. И предположил: – А теперь вы намереваетесь с моей помощью проследить за «Штандартом» с воздуха?

– Если бы было так просто. Все гораздо хуже... Дело в том, что вот уже около недели с яхтой нет связи...

– Кто бы сомневался, – пробормотал я, но Николай Степанович умудрился расслышать это мое бормотание.

– Вы что-то знаете?

– Если бы. Просто предположение, и ничего более. Логический вывод, так сказать.

– Сергей Викторович, давайте без этих ваших отговорок. Дело касается не просто членов императорской фамилии. Прошу отнестись к этому более серьезно.

– Хорошо, прошу меня извинить. Первое. Конец февраля. Северное, а тем более Балтийское море в конце зимы это далеко не Средиземное с его теплыми водами. Какое вообще может быть плавание во льдах? Как они вообще смогли Финский залив пройти? Пусть крепких морозов в новом году давно не было, но ведь и декабрьские льды пока еще никуда не делись? Яхта же далеко не броненосец... Какая может быть Европа в подобных условиях? И любимые острова Николая Александровича сейчас вряд ли с моря доступны. Согласны со мной? Нет, тут явно в чем-то другое дело... – задумался я. Надолго задумался. И Николай Степанович не мешает думать, под руку с уточняющими вопросами не лезет. – Но яхта, как вы говорите, ушла... В таком случае предполагаю, что Николая Александровича с семьей можно будет искать в Дании. Это второе. Единственное, что выбивается из моего предположения, так это отсутствие связи с яхтой. От Копенгагена до Кенигсберга-то дальности радио должно было хватить... А с Марией Федоровной вы разговаривали?

– Нет. Решили не беспокоить ее раньше времени, – пробормотал Николай Степанович. Очень похоже, что несколько растерялся он от таких моих слов. И замолчал. Обдумывает мое предположение, похоже.

– Ну вот, теперь есть хороший повод побеспокоить. Если я прав, то ответы на все свои вопросы вы сможете точно у нее получить. Хуже будет, если и она не в курсе настоящих намерений Николая Александровича. И если мое второе предположение окажется несостоятельным. Тогда даже и не знаю, куда он мог запропасться... Хотя вариантов тут тоже немного. Или мины в море, или происки бывшего противника. А может быть, и союзника... Да, вполне даже может быть.

– Что именно вы имеете в виду?

– Пока ничего. Давайте сначала попробуем получить ответы на два первых вопроса...

Николай Степанович глянул как-то искоса, из-под нахмуренных бровей, сжал губы, помолчал, подумал и кивнул головой:

– Давайте попробуем. – И дальше удивил: – Вы поедете со мной...

Еще больше я удивился промелькнувшему раздражению в его глазах. И это точно раздражение было! Не мог я ошибиться. Да что происходит-то? И это весьма неожиданное и, что уж греха таить, несвоевременное приглашение прокатиться до Царского Села... Оно мне нужно? Я в столице почти месяц не был! Да что там почти, ровно месяц и пролетел. Да бог бы с ней, со столицей, но меня же Лиза ждет! Поэтому буду отбиваться от этой поездки всеми возможными способами. Попробовал отговориться...

И ничего у меня не вышло. Николай Степанович выслушал мои объяснения, хмыкнул и сказал:

– Ну, если столько времени ждала, то еще несколько часов погоды не сделают.

Посмотрел Батюшин на мою скуксившуюся физиономию и усмехнулся вдогонку:

– Да не переживайте вы так, Сергей Викторович, никуда ваша Лиза не денется. Ну, задержитесь вы на пару часов, зато потом до утра полностью свободны!

– В смысле до утра?

– Да в самом прямом смысле. Повезет, если Николай Александрович с семьей в Дании. А если нет? В таком случае придется вам лететь на их поиски...

– Не придется, Николай Степанович, – вздохнул тяжело. И повторил: – Не придется.

– Это еще почему? Вы что-то еще знаете? – тут же прозвучали вполне ожидаемые вопросы. И Николай Степанович явно насторожился.

– На этом самолете никак нельзя будет лететь. – Придется теперь объяснять. И дернул же меня черт за язык. Нет, чтобы подождать немного и затеять продолжение разговора в машине. И не пришлось бы в очередной раз драгоценное время на объяснения терять. – Тут что-то полегче нужно, с не меньшей дальностью полета. Или с возможностью садиться на море. Почему? Ну... Главная причина – где и каким образом дозаправиться-то? На этой машине на воду не сядешь, садиться придется на раскисший грунт, явно на неподготовленную по такой погоде для посадки самолета площадку. Что вообще нежелательно – колеса зароятся в землю и самолет перевернется...

Сделал коротенькую паузу, пусть до Батюшина мои слова дойдут. Заодно во время этой паузы над продолжением подумал.

– Единственный здесь плюс для новой машины, так это большая дальность полета. Если мои предположения с Данией не подтвердятся, то предлагаю такой маршрут: Кенигсберг, Копенгаген. Поиски нужно начинать именно оттуда... – И уточнил для Батюшина, почему именно оттуда: – Радиус полета позволит охватить значительно большую территорию.

Дождлся разрешения продолжать:

– На первом этапе до Кенигсберга нам топлива хватит. Заодно и на Балтику сверху посмотрим. Так, мало ли что заметим... А вот что дальше? Если у вас никаких сведений о

судьбе яхты нет, то и в Кенигсберге я ничего нового не узнаю. Тогда придется дозаправляться и перелетать в Данию. Вы такой перелет с датчанами согласовали? Нет? Почему?

– Вы продолжайте, Сергей Викторович, продолжайте свои логические выкладки. Согласуем, никуда не денемся.

– М-да... Ладно... До Копенгагена из Кенигсберга без посадки тоже дотянем. В идеале. А если погода по маршруту или на аэродроме посадки, не дай бог, поменяется, тогда что? Кстати, а в Копенгагене где будем садиться-то? Или выбирать площадку на свое усмотрение? Просто так ведь куда-нибудь не сядешь... Подобная посадка без поломок вряд ли обойдется... Теперь понимаете?

Помолчал, давая собеседнику возможность проникнуться сказанным. И Батюшин молчит. Что же, продолжу:

– Допустим, все будет хорошо. И с погодой нам повезет, и с посадочной площадкой тоже. Может быть, и с полицией повезет, если вы нас нужными бумагами снабдите... Снабдите же? А что потом? Если придется еще дальше лететь, то все. Топливо закончится. Кто нас заправлять будет и на какие деньги? Наконец, даже если мы и найдем яхту, то какой от этого будет прок?

И тут же объяснил:

– Ну что мы сможем сверху разглядеть? Да почти ничего. Так что вылет на нашем самолете отменяется. Тут что-то на поплавках нужно. То, что сможет на воду садиться. И, опять же, остается открытым вопрос с дозаправкой. Где заправляться?

– А если на «Муромце»? С поплавками? Как в Босфорской операции? Он же полегче будет?

– Да, полегче. Но все равно без дозаправки бесполезное это дело. Дорога в один конец, да и тот... Недалекий... Или не столь удаленный. Не знаю, как правильно сказать...

– Но ведь можно и катер с топливом вслед отправить... А... Нельзя. Скорости несопоставимы... Как-то я сразу и не сообразил. Тогда, выходит, смысла от воздушного поиска нет?

– Если только использовать его как вспомогательное звено. Корабль обеспечения выдвигается на границу дальности полета «Муромца» заранее и ждет нас в указанной точке. Спустя какое-то время вылетаем мы, садимся рядом, заправляемся и уже из той точки совершаем воздушную разведку, исходя из практического радиуса дальности полета...

– И, если выход корабля осуществить из Кенигсберга, а вам вылететь отсюда... Ну да, откуда же еще... То времени вы практически не потеряете. По крайней мере, до Копенгагена... Дальше придется действовать по обстоятельствам.

– Николай Степанович, а ведь в Кенигсберге и свои самолеты имеются? Почему бы не направить на поиски местный экипаж?

– Да потому что нельзя! Вообще нежелательно привлекать к этому делу лишних людей.

– Ну, лишних-то людей все равно будет много...

– К сожалению... Хорошо, Сергей Викторович, я еще подумаю над вашими словами и предположениями, а пока, предварительно, задание остается прежним. Утром вылетаете в Кенигсберг. Там заправляетесь и... Надеюсь, к утру станет понятно, куда дальше. Место встречи с кораблем обеспечения я вам сообщу перед вылетом. Где вас искать в случае чего?

– Да у себя, где же еще...

– И еще. На чем именно будете вылетать, на новом своем самолете или на чем-либо еще, тоже утром определимся. В зависимости от полученных сведений. Как и в том, понадобится ли вообще ваш вылет. Хорошо, я вас больше не задерживаю. И, Сергей Викторович, надеюсь, вам не нужно напоминать, что все то, о чем вы услышали в этом кабинете, должно остаться между нами?

– Я понял. И нет, напоминать не нужно.

– Хорошо. Можете идти отдыхать. А нам, старикам, придется еще поработать... Я сам в Царское Село съезжу...

Ну слава богу, передумал генерал, не стал меня за собой таскать! И, пока Николай Степанович не передумал, я быстренько распрощался и поспешил покинуть кабинет. Одно хорошо во всей этой истории – мне выделили машину.

Поэтому до гостиницы я добрался относительно быстро. Правда, саму дорогу за размышлениями не заметил – вспоминал и анализировал недавний разговор. Что-то тут не так. Мутная какая-то история с этим плаванием. И задание это с поисками яхты тоже мутное. Такое ощущение, что Николай Степанович его только что придумал. Ну, какое-то оно непроработанное, совершенно не соответствует уровню Батюшина. Не характерны для него подобные недоработки, несогласованности и несурзанности... Так и доехал. Дорога короткой из-за раздумий оказалась. Ну а там пришлось немного задержаться, привести себя в порядок, переодеться и уже после этого направить свои стопы по желанному адресу.

Открывают мне дверь, вхожу, поднимаюсь вверх по лестнице... Гостиная... А здесь очередной прием. Давлю в себе раздражение. И отступать уже нельзя. Приходится раскланиваться с присутствующими здесь гостями, целовать руку поспешившей мне навстречу весьма довольной хозяйке и чуть менее довольному хозяину дома. Пока раскланивался, успел быстро оглядеться, обстановку оценить, так сказать. И снова на том же самом месте та же самая компания, состоящая из уже виденных мною ранее молодых людей.

И Лиза среди них. Меня увидела, румянцем вспыхнула, навстречу заспешила. В этот раз сразу же отмахнулась от собеседников, вызвав тем самым явное их недовольство. Тот самый хлыщ даже удержать ее попытался. Затряхну гаденыша! Девушка же и не заметила этой попытки, мягким и ловким движением убрала руку, выскользнула из круга молодежи. К моему удовлетворению, в этом круге не только парни, но и девушки были. Поэтому решил пока обстановку не накалять.

А потом были счастливые глаза любимой, ласковые и нежные пальчики в моей руке... И пусть весь мир катится к черту... Какой прием, о чем вы? Покинули мы это сборище, сбежали от всех на улицу к большому разочарованию Лизиного семейства. И от поклонников девушки, к моему огромному удовлетворению. Пошли они все лесом!

К сожалению, время года и премерзкая погода к долгому гулянию не располагали. Поэтому пришлось вернуться через пару часов назад, как только девушка начала замерзать. Ну да и гости к тому времени разошлись, к моему удовольствию. И нам никто ничего не стал выговаривать за наш поспешный уход. Смирились, наверное, с неизбежным. По крайней мере, хотелось так думать.

А там и я откланялся и покинул этот дом. И уже на улице спохватился – самые главные и важные слова я так и не смог произнести. Не хватило духу. Или решимости? А может быть, радость от встречи мозги настолько мне затуманила, что я и забыл о своих намерениях? Не знаю. Но в следующий раз точно все скажу...

– Сергей Викторович! Погода везде хорошая, так что придется вам все-таки лететь на новом самолете. Заодно и продемонстрируете там наши достижения... – озадачил с самого утра Батюшин. Даже выспаться у меня не получилось, вестовой от генерала разбудил ни свет ни заря – затемно. Вежливо так постучал в двери, тихонько почти. Но тишина вокруг такая, что стук этот барабанным боем прозвучал. Волей-неволей подорвался с кровати, впрыгнул в штаны, ноги в тапки сунул и метнулся открывать. Мимоходом взгляд в окно бросил – непроглядная темень на улице, спать бы да спать еще нормальному человеку. А тут... Да еще и эта зараза за дверью не унимается, да вдобавок к стуку еще и шепчет на весь коридор: «Ваше высокоблагородие...» И шепот этот не только мне отлично слышно, в этакой-то тишине, но и всем остальным жильцам. Потому-то и метнулся, с целью открыть этому оглоеду поскорее, чтобы соседей не будить.

Однако ошибся. В качестве вестового его высокопревосходительство цельного личного адъютанта прислал. Если бы не этакая рань, то с полным правом можно было бы гордиться своей значимостью. Ну и, само собой, если бы у меня натура немного другая была, в худшем смысле этого слова. А сейчас это только ба-альшие подозрения во мне пробудило. Какого лешего-то? Выслушал доклад о присланной за мной машине – мол, пора на аэродром выдвигаться. Кивнул, да дверь-то и прикрыл перед самым носом адъютанта. Незачем ему в номер мой входить. Пусть или внизу ждет, или в машине. А у меня утренние процедуры, постороннего взгляда совершенно не терпящие...

Тянуть и задерживаться смысла не было, вещи свои даже и не распаковывал после прилета, единственное, так это мыльно-рыльные достал. А теперь обратно вернул, после всех положенных процедур.

Оделся и дверь за собой закрыл. И этим незамысловатым действием словно бы оставил за спиной все лишнее, к делу не относящееся. Все мысли только о предстоящем задании...

Экипаж уже на месте дожидается, байки в курилке под свет фонарей травит, громкий смех по округе разносится. А там и Николай Степанович подъехал, практически одновременно со мной. Пошел ему навстречу, доложил о готовности к выполнению задания. Вот тут Батюшин и озадачил, озвучил свое решение. Правда, не стал дожидаться от меня встречных уточняющих вопросов, сразу же все и объяснил:

– Первая посадка у вас будет в Кенигсберге. Там запрашиваетесь и по готовности сразу же перелетаете в Копенгаген. Вас будут ждать. Обеспечат и заправку топливом, и размещение экипажа на отдых. Ночуете и наутро перелетаете на западное побережье Дании. В Копенгагене вам уточнят, куда именно. После посадки прибудете в порт, найдете наш корабль, подниметесь на борт, представитесь капитану. Дальнейшие поиски будете осуществлять совместно. Ваше дело обнаружить яхту с воздуха, определить и передать координаты на корабль. Дальше уже их работа. На борту корабля будут находиться мои люди. Те самые, помните? Хорошо, вижу, что вспомнили. Вы же после этого возвращаетесь домой. Вопросы?

– А если не обнаружим?

– Тогда придется облететь все побережье по обе стороны моря, осмотреть все порты.

– Николай Степанович... Это же невозможно!

– Почему? Летайте и смотрите. Что тут такого-то? – удивился Николай Степанович.

На этом Батюшин счел разговор законченным. Ну и мы пошли на запуск. Руки автоматически выполняли давно привычные действия, а вот голова была занята другим, совершенно не относящимся к летной работе...

Как-то странно все это. И от задания нехорошо так пахнет. С душком оно! Так в чем подвох? Что так мне не нравится во всей этой истории? То, что пришлось ни с того ни с сего бросить весьма важную для Казначейства, а значит, и для России перевозку золота? Что вообще ни в какие ворота не проходит... Или как будто во всех авиаотрядах не нашлось опытного экипажа для его выполнения... Ни за что не поверю, что среди них нет опытных пилотов, умных и умелых профессионалов, умеющих держать язык за зубами, когда нужно. Да навалом таких, воз и маленькая тележка. Не оскудела пока еще земля русская подобными людьми... Тогда что? Почему потребовалась именно моя персона? Что во мне или в моих делах такого, что меня обязательно нужно убрать из столицы? И командировка эта почему-то образовалась именно сразу же после моего прилета. Впрочем, нет, не сразу же. Ведь о том, что меня Батюшин ждет, я знал заранее... Все равно странно как-то... Или нужно просто выполнять приказ? И ни о чем не думать? Щаз-з! Где бы я был, если бы перестал думать. Да и не совсем приказ это. Скорее, простое требование начальства. Это я еще от военной службы не отошел, прежними категориями мыслю...

Тогда что? Настораживает тот факт, те заключительные слова Николая Степановича, что в случае чего нужно будет просто летать вдоль побережья и осматривать сверху все подряд

порты и вообще все места вероятной стоянки. А акватория моря? Для одного самолета невероятная по возможности выполнения задача. Нереальная, скажем так. Нет, над побережьем-то я пролечу... А как согласовывать эти мои пролеты? С кем? Это же не нейтральные воды... Могут ведь и обстрелять... И авиацию привлечь для прекращения моего полета над территориальными водами или землями государств... Каких? Да любых!

Смотрю на ожившие стрелочки приборов... Нет, так не пойдет! Что ему от меня нужно на самом деле? А почему бы напрямую не спросить Николая Степановича об этом? Так чего же я тогда жду? Пока мы со стоянки не вырулили и пока генерал не уехал?

И я дал команду на прекращение запуска моторов и выключение оборудования. И, уже поднимаясь с кресла и разворачиваясь к выходу, окончательно уверился в правильности своих сомнений. Да не может такого быть, чтобы Батюшин, в руках которого сосредоточена вся разведка и контрразведка, человек, от внимания которого малейший чих в столице не ускользнет, не будет в курсе намерений императора! И плавание вокруг Европы – на яхте полная чужь! Вот что меня подспудно напрягало и не давало покоя все эти часы. Несуразность всего услышанного... Все он знает! Только для чего-то нужно отправить меня, именно меня, на эти маловероятные и уж точно бесперспективные поиски! Зачем? Вот сейчас я и задам все эти вопросы генералу. Вон он как возбудился, даже к самолету кинулся. Поговорим... И никуда он не денется, обязательно все расскажет. Иначе никуда я не полечу!

И тут же еще одна мысль пришла в голову. А если не станет он ничего отвечать? А мое свободное существование на этом благополучно закончится? Может же и такое вполне быть? Может... Но все равно – теперь уже я просто не смогу промолчать и не задать Батюшину эти свои вопросы...

– Ну вот что вам стоило просто взять и улететь? Без вопросов? Что же вы за человек-то такой, Сергей Викторович? Все вам любопытство свое не обуздать... А теперь я вынужден буду глаз с вас не спускать. Хоть самому в эту вашу колымагу залезать, да за вами всю дорогу присматривать... – Увлек меня в сторону от самолета Батюшин. Подхватил под локоток после моего первого же вопроса и настойчиво так утащил прочь. Силком. Подальше от любопытных ушей якобы.

– Да в чем дело-то, Николай Степанович? – высвободил руку, когда мы наконец-то остановились.

– Да в том, что нам необходимо вас из столицы срочно убрать! – с явным раздражением в хриплом голосе прошипел Батюшин и оглянулся по сторонам. Не подслушивает ли кто?

И настолько это действие было необычным для генерала, что и он, и тем более я, как обративший внимание на этот нетипичный для генерала жест, почувствовали себя в этот момент несколько неловко.

– Поспешили мы с вашей отставкой, – сбавил тон Николай Степанович. И тут же добавил с явным сожалением в голосе, словно мечтая о недостижимом: – Как бы хорошо было, если бы вы сейчас на службе оставались. Приказал бы вам лететь, вы бы ответили «слушаюсь», и никаких забот. А теперь вот возись с вами...

Николай Степанович вздохнул тяжело, словно груз непосильный на плечи взвалил, и так же тихо проговорил:

– Фикция это все. Понимаете? – и повторил по слогам. – Фик-ци-я... И то, что Николай Александрович уплыл, и вообще все...

– Вон оно что. А для чего? – не успел задать вопросы, как сам же все и сообразил. Сообразил и удивился. И как же до меня раньше не дошло? Ведь на поверхности же все лежало...

– Погодите, сам попробую сообразить. Император якобы отдаст власть молодому и неопытному юноше, а сам удаляется... Удаляется куда-то и опять же якобы пропадает бесследно. Для чего все это? Явно для того, чтобы кто-то воспользовался возникшей ситуацией и явным ослаблением власти в государстве... Кто? – я не спускал глаз с внимательно следящего

за моими размышлениями Батюшина. – Впрочем, можете не отвечать, понятно, кто. Непонятно, почему именно меня из столицы убирают в этот момент. Почему?

– Сейчас-то хоть не разочаровывайте меня, Сергей Викторович...

– Поэтому вы меня спрашивали о моих возможностях? В этой возможной связи? – протянул, лихорадочно размышляя над вариантами развития событий. – Из-за так называемых пророчеств?

– Именно из-за них! – обрадовался генерал. – А ну как возьмут вас под микитки заговорщики, да и вытрясут всю правду?

– Ну какую правду, Николай Степанович? Говорил же и говорю, нет у меня больше никаких способностей!

– Есть или нет, никто этого не знает. А слухи о ваших способностях давно в обществе ходят. И не только по столице. Так что утратили вы свои способности на самом деле или нет, но нам рисковать в подобном деле нельзя! Не знаю, обратили ли вы внимание, заметили ли, но за вами все это время, после прилета в столицу, мои люди приглядывали. А что вы хотели? – построжел лицом Батюшин. – Слишком многое поставлено на кон, слишком огромные силы в этой игре задействованы. Сколько сил пришлось потратить, чтобы одну только переброску войск к столице в тайне сохранить... Девятьсот пятый год тоже никто не забыл... Поэтому залезайте-ка вы в свой самолет и летите отсюда куда подальше, Сергей Викторович. И чтобы глаза мои вас не видели до того момента, когда я вам лично разрешу вернуться. И да, это приказ! Считайте себя с этого момента вновь мобилизованным!

Батюшин обернулся, махнул рукой, и тут же распахнулась дверка автомобиля, заставив меня на секунду напрячься. Из машины наружу вылез человек в штатском, направился быстрым шагом в нашу сторону.

– Господин полковник, отныне это ваш сопровождающий. Надеюсь я обойтись без этого, да, видимо, не судьба. Вас представлять ему не нужно, он и так все знает. А вы можете обращаться к нему по имени-отчеству – Игорь Константинович. Ваша безопасность отныне ложится на его плечи...

Ага, безопасность... Да приглядывать он за мной будет! Ну да ладно...

Подчинился приказу, еще раз дал отмашку экипажу и пошел к самолету. Ну и на ходу обдумывал услышанное. А ведь я никого не видел, когда вчера с Лизой прогуливался по вечернему городу. Получается, в этот раз за мной шли профессионалы. Ну и правильно... Но это ладно, а вот если сбудутся генеральские прогнозы и в столице вспыхнет заварушка? Сможет ли действующая власть удержать, гм, власть? Простите за каламбур, но предстоящие волнения меня весьма сильно волнуют. За Лизу беспокоюсь. И больше ни за кого. Вру! Еще за своих друзей, за их семьи. Но что Остроумов, что Сикорский люди опытные, сообразят, что делать в подобном случае. Если ситуация не выйдет из-под контроля. Стоп, стоп, стоп. Сейчас я себе нафантазирую... Сказал же Николай Степанович, что все под контролем, что войска сюда перебросили. Будем на это надеяться. Потому что ничего больше я сейчас точно не смогу сделать. Уже не позволят ни предупредить, ни позвонить. Придется выполнять приказ... На запуск! И я пропустил вперед моего вынужденного надзирателя. Не вышло. Пришлось первым в самолет забираться... Ну, Батюшин, ну, Николай Степанович! Удружил...

Раннее, раннее утро. Предрассветные сумерки. Хорошо так подмерзшая после ночных заморозков земля пока еще более или менее надежно держит колеса, но даже здесь, в кабине, слышно, как она жалобно похрустывает и чуть проминается под дутиками. Выруливаем не спеша на полосу, разворачиваемся по курсу взлета с учетом встречного ветра, тормозим тихонечко, дабы не провалиться. Ну не то чтобы так уж страшно продавить подмерзшую корку, но не хочется самолет грязью потом заляпать. Провалились в эту кашу, так пока еще на разбеге из колеи выскочишь... А за это время столько грязи на себя успеешь собрать, что и створки

шасси потом могут не закрыться... Так что потихонечку, очень аккуратно, оттормаживаемся, останавливаемся в свете вспыхнувших прожекторов и готовимся к взлету. Читаем карту на исполнительном старте.

Поехали! РУДы вперед до упора, и отпускаю сразу же тормоза. Ждать выхода моторов на взлетный режим не стал... Пошел отсчет времени! Скорость нарастает, самолет качается едва ощутимо с крыла на крыло, разгоняется и разгоняется! Заводское поле огромное, полоса длинная, можно особо не беспокоиться. И как только стронулись с места, так сразу же забыл и о Батюшине с его приказом, и о Лизе с ее надоедливими ухажерами – все вылетело из головы. Полная сосредоточенность на своей работе. Нельзя ни в коем случае отвлекаться!

Приходится выдерживать направление с помощью рулей, работать педалями. Ерзает машина из стороны в сторону на разбеге, словно немного плывет по земле, клюет на неровностях грунта носом, покачивает крыльями.

Моторы вышли на максимальный режим, скорость выросла и управление стало четким, пропала вялость на педалях. Еще секунды и скорость уже почти взлетная. Крылья воздух поймали, начали на себя вес брать, стойки колес разгрузили. Уже не так сильно барабанит грязь по фюзеляжу – все-таки не везде эта каша подмерзла за ночь. Или уже успела немного оттаять.

Штурвал на себя... Есть отрыв! И сразу пропадает барабанная дробь грязи по корпусу, перестают гудеть хорошо потрудившиеся колеса. Уходит вибрация со штурвала, сразу становится легче рукам. Даже на душе радостно. Мы в воздухе! Убираем шасси, продолжаем набор и разгон. Подрагивают стрелочки указателей, растут скорость и высота, можно убирать закрылки. Проплывают внизу чуть заметные в предраассветных сумерках контуры городской окраины, уходят вниз и назад. Прибираем обороты до номинальных. Разворот влево... Так в развороте и врезаемся кабиной в облака. Даже голову в плечи немного вжал от неожиданности, настолько плотная облачность.

В кабине сразу потемнело, да вдобавок в облаках еще и осадки! Снег зашуршал по стеклам. Прошуршал и пропал, летим словно в вате, набираем высоту. Ничего не видно, серость сплошная вокруг. Хорошо хоть обледенение отсутствует.

Продолжаем разворот и набор. Так, в наборе высоты, самолет и выскочил за облака, словно чертик из табакерки. И сразу же справа по глазам ударило ярким светом восходящее солнце! Вокруг безоблачное голубое небо, внизу плотная сплошная серая перина, под ней темень непроглядная, а здесь красота!

На курсе! Прямая. Помощник щелкает секундомером – придется лететь по счислению пути.

Набираем на курсе три тысячи, спокойно и не торопясь. И переходим в горизонтальный полет. Вновь прибираем обороты, устанавливаем оптимальный режим работы моторов. Вот теперь можно немного расслабиться. Отдаю управление помощнику, а сам наклоняюсь чуть вбок к своему окну и смотрю вниз, на облака. Красиво... Отсюда, сверху, облака белые. О прежней серости ничего не напоминает. Тянется до горизонта ровная, чуть волнистая кромка, уходит в ночь на запад, конца и края ей не видно. Ну да ничего, рано или поздно начнутся разрывы в этой тугой перине, а там, глядишь, и землю внизу увидим...

Глава 3

Опыт профессиональный, его ведь никуда не денешь... И в кабаке просто так не прогуляешь... Ну и что же, что за облаками летим и из кабины земли не видно? Подумаешь, визуальная ориентировка затруднена или, как в данном случае, отсутствует полностью... Есть компас, часы и указатель скорости, есть еще прежний весьма богатый опыт полетов по приборам и в самолетовождении. И этого достаточно, чтобы хотя бы в первом приближении выйти в заданный район. Я не говорю – в заданную точку, для этого учитываемых факторов все-таки не хватает. Но в нужный район уж точно выйдем... А там сориентируемся точнее, сверимся с картой, довернем куда нужно и поправку в курс вычислим...

Первые разрывы в облаках появились вскоре после того, как мы прошли Юрьев. Жаль, что в очередной раз не удалось посмотреть сверху на Чудское море. Ну да ничего, надеюсь, не крайний это полет, будет еще у меня такой шанс – назад этим же маршрутом возвращаться будем. Наверное... Хотя-я, можем и через Гельсингфорс рвануть... Пришедшая в голову идея показалась настолько заманчивой, что я сразу же карту в интересующем меня квадрате развернул. Ну, чтобы убедиться в возможности или же невозможности подобного пути. Убедился. Прикинул на глазок примерное расстояние между точками, прикинул чего-то там к носу, как у нас в авиации говорили, ну и посчитал, что практической дальности полета для задуманного не хватит. А жаль. Вот где я еще ни разу в этой жизни не был, так это в Гельсингфорсе... Да и в той не довелось...

Дальше прорех в облачной перине стало появляться все больше и больше, и уже на траверзе Риги облака вообще закончились, и под нами наконец-то оказалась чистая земля. Каюсь, не удержался – повернули чуть вправо и прошли над центром города. Все развлечение хоть какое-то.

Нет, и над облаками летать интересно, но именно над такими уж больно тоскливо, быстро приедается. Это когда облачность кучевая, мощная, да еще и вдобавок активно развивающаяся, тогда да – можно вдоволь налюбоваться разнообразными причудливыми столбами и колоннами, хаотичными нагромождениями серо-белых ватных масс. Ну и поманеврировать между ними немного, повиражить, огибая то одну такую колонну, то другую, почиркать-порезать острым крылом ее лохматящийся рваными космами пухлый бок.

А над такой вот ровной, словно столешница, поверхностью летать скучно. Потому как глазу особо зацепиться и не за что, быстро привыкаешь к этому волнистому однообразию и уже минут через пятнадцать вообще перестаешь обращать внимание на серо-белую облачную перину далеко внизу.

Так что мы все обрадовались, когда эта тягомотина, эта... как бы ее не так обидно обозвать-то... Во! Прослойка! Так вот, наконец-то эта сплошная прослойка между нами и землей закончилась. Народ в кабине даже как-то завозился оживленно, сбросил сонное оцепенение, головами закрутил по сторонам, на красоты земного рельефа под крылом любуясь. И вроде бы даже вздох облегчения, едва-едва различимый за ревом моторов, по кабине пронесся. Зашевелились ребята активнее, в окна заглядывать начали. Хоть и самое начало весны, но в отличие от Петрограда здесь уже даже снега на земле не видно. На реках, правда, еще лед стоит. Но и то не везде, чернеет кое-где и чистая вода. А может быть, и не вода. То есть вода, конечно, но вода именно что на льду. Потяжелел лед с приходом тепла, опустился вниз, воду-то вверх и выдавил. Потому русла рек и потемнели.

И ни одного облачка впереди до самого горизонта. Словно из болота какого-то вырвались. Не выдержал, заложил крен, изменил чуток курс. Ненамного, градусов этак на тридцать, плюс-минус. На глазок же... Ну, для того чтобы назад посмотреть, за спину. Очень уж интересно вдруг стало. И ведь не в первый раз замечаю подобное, обращаю внимание на этот природный

катаклизм. Какая-то и впрямь аномалия погодная. Здесь чисто, а там, откуда мы прилетели, сплошная густая облачность стеной так и стоит... Чудеса матушки-природы, черт бы ее побрал. Нет чтобы и у нас больше солнышка было, так ведь шиш – то дожди на северо-западе, то облака, то метели со снегопадами, то еще какая-нибудь фигня с обязательными осадками в виде того же насыщенного тумана... Бр-р...

Вывернули на прежний курс, полетели дальше. Половина пути пройдена, осталось еще столько же. Ничего, к полудню будем на месте...

Сколько я уже здесь? Да почти два года, как после гибели там, в своем мире, провалился в этот. До сих пор не знаю, точно ли это другой мир, другая реальность или перенос души на мое счастье вместе с сознанием во времени.

Хорошо хоть не вперед забросило... Ну что бы я там в будущем делал? Спалился бы сразу, а тут умудрился за короткий срок полностью слиться со своим новым телом, заполучив заодно почти все знания и навыки прежнего хозяина. Ну а то, что недополучил и в чем периодически прокалывался, то можно было с успехом списать на амнезию. Прежний-то носитель этого тела точно так же, как и я, оказался приобщенным к летной работе и как раз весьма своевременно для меня поломался на посадке. Голову разбил. Тут душа и покинула его брентную тушку, так получается. А моя клювом щелкать не стала и быстренько подсуетилась – заняла освободившееся место. По крайней мере, другого рационального объяснения я не смог придумать. Да и надо ли что-то придумывать? Вселился и вселился, перенесся и перенесся. Жить нужно. Жить и работать, дело делать. Вот поэтому-то я и не жалею, что именно в прошлое перенесся, а не в будущее. Это я не привередничаю, а радуюсь, судьбу благодарю за второй шанс... Ну и за возможность хоть что-то успеть сделать полезное для своей страны. А иначе как объяснить смысл и цель моего переноса? Не просто же так все это случилось? Должна же быть какая-то цель во всем этом попадании? Хочется надеяться, по крайней мере, на нечто подобное. Вот и стараюсь теперь по мере сил, тянусь куда-то. Получается ли? Что-то получается, а что-то и нет. В Европе события совершенно по другому сценарию разворачиваются. Да и у нас, в России, весьма многое изменилось. Мое ли вмешательство тому причиной или нет, кто его на самом-то деле знает... И что из всего этого в итоге получится... Хотелось бы, чтобы хоть что-то изменилось в лучшую сторону. А как оно выйдет на самом деле, не знаю. И еще одно. Говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Вот об этом я стараюсь всегда помнить и не забывать ни на секунду. Оттого-то и не лезу в каждую дырку со своими предложениями по усовершенствованию чего бы то ни было. Так, если только самую малость... То там своими силами и на основе своего сохраненного знания что-то сделаю, то кому-нибудь что-то в нужный момент подскажу...

Только вот последнее просто так и абы кому не скажешь, пришлось кем-то вроде предсказателя сделаться. Мол, сны мне пророческие снятся. Вроде бы получилось в какой-то мере повлиять на судьбы отдельных людей, точно имеющих великую ценность для страны. Надеюсь, одно это вмешательство дорогого стоит. И уж точно повлечет за собой дальнейшие изменения в развитии общества. По крайней мере, это самое развитие и общества, и особенно истории, как я уже упоминал, здесь пошло совершенно по другому пути. И потому-то мои дальнейшие пророчества сразу же утратили всякий смысл. Нечего мне дальше пророчествовать, не знаю я теперь ничего о ближайшем будущем этой действительности...

Встряхнулся, прислушался к ровному гулу моторов, показания приборов в один момент срисовал-зафиксировал. Все в полном порядке. И снова окунулся в воспоминания.

Да и допророчился я уже... Хватит! Потому как не любят пророков в своем Отечестве власть имущие. Хорошо еще, что на свободе меня оставили. Правда, с военной службы меня, так сказать, «ушли»... Наклонился, прижался лбом к обжигающе ледяному боковому окну, всмотрелся ничего не видящим взором в проплывающие далеко внизу пейзажи. Отстранился, очень уж холодно стало голове, даже в висках заломило. Зато в мозгах прояснилось, да и отпу-

стило сразу же. Ушли и ушли. М-да... Но и тут грех жаловаться. И звание высокое заслужил по-честному, и наградами никак не обидели. И вроде бы как без протекции всего добился, все своим горбом заработал. Что еще такого особенного? Покушения на жизнь, правда, были. Но и тут Бог миловал, уберег. Уцелел, благодаря Господу и заботам жандармского управления в лице его шефа, Владимира Федоровича Джунковского, долгих лет ему, благодетелю. Так что и меня пока не трогают, и я стараюсь особо не высовываться. Правда, не всегда это у меня получается. То самолет новый придумаю якобы, то еще что-нибудь этакое, что обязательно привлекает всеобщее внимание. Но без подобного я бы и существовать не смог – жить-то на что-то необходимо... И лучше бы жить хорошо, чем кое-как. Просто так сверху деньги не упадут, их еще заработать нужно. Ну, или добыть каким-нибудь способом. Например, как это у меня получилось на самом первом этапе – оказался я тогда в нужном месте в нужное время. Прихватил кое-что у ночных грабителей. Пришлось ценный саквояж себе оставлять... Хозяев-то уже и не найти было. Да и не стал я никого искать. Ну как бы я все это господам полицейским объяснил? Еще загремел бы в Сибирь, как соучастник... И совесть меня не мучает совершенно. Потому что именно с помощью содержимого этого саквояжа я и смог что-то сделать для своей страны. Цель якобы оправдывает средства... Хорошо это или плохо, спорить не стану, но в моем случае получилось хорошо. Так что живем пока. И неплохо живем, несмотря на мою отставку с военной службы... Но и тут не все так однозначно. Вот вроде бы как я и в отставке, а на самом-то деле служба продолжается. Пришлось принять предложение Николая Степановича Батюшина и поступить на службу в его ведомство. Предложение из тех, от которых в здравом уме не отказываются. Теперь вот выполняю его очередное поручение. Или приказ, в данном случае это будет точнее.

Эх, что-то я развспоминался, расслабился. А в небе расслабляться нельзя, подобная расхлябанность смертью чревата. Поэтому повспоминали немного и довольно, включаемся в работу! Но это я так, для красного словца. На самом-то деле от своей работы я и не отключался. А вот встряхнуться – встряхнулся. К Кенигсбергу уже подлетаем.

До фортов, по которым мы не так давно огнесмесью работали, не долетели. Сели немного раньше. А было, было желание глянуть сверху, полюбоваться на результат своей работы. Ну да ничего, будем взлетать, тогда и посмотрю. Если не забуду, само собой.

И на этом аэродроме мне уже неоднократно приходилось бывать ранее. Поэтому ни заход на посадку, ни сама посадка никаких проблем не создали. Единственное, так это пришлось усилить осмотрительность в воздухе. Мало ли...

Связь-то так и не получилось с землей установить. Вот сколько времени пытаемся это дело наладить, а воз и ныне там. Нет, правду сказать, дело сдвинулось с мертвой точки, сейчас уже далеко не так плохо дела обстоят, как в начале войны. Но все равно выводит из себя вот такое ротозейство. Аэродром-то здесь крупный, самолетов на земле вон сколько стоит. На стоянках, я имею в виду. Значит, работа должна быть налажена. Совсем ведь недавно отсюда наш Шидловский уехал... Получается, стоило только начальству отъехать, как вся служба прахом пошла? Ладно, посмотрим сейчас, что у них на КП творится. Если что не так, придется потом доложить по команде. Ну а как иначе-то? С безопасностью шутить не нужно!

Сопровождающий мой сразу же после посадки вместе со мной на КП отправился. Похоже, так и будет теперь неприметной тенью меня везде сопровождать и приглядывать. Ну и ладно, привык я к подобному сопровождению, не он первый и не он последний, надеюсь. А мне бы заправку согласовать, питание экипажу и расчет вылета уточнить. Мало ли планы в отношении нас за это время у Батюшина поменялись?

Здесь уже совсем весна. Теплынь и солнце греет вполне ощутимо. И слякоти нет, земля практически подсохла. Ну, под ногами, по крайней мере, ничего не хлопает. На пригорках солнечных первые зеленые листики мать-и-мачехи пробиваются. Так, глядишь, совсем скоро и цветы какие-никакие появятся...

К сожалению, новостей не было, ни плохих, ни хороших, значит, и планы начальства в отношении нас не поменялись. А вот бензин был. Поэтому заправили самолет очень быстро. Только что и успели после заправки пообедать в местной столовой. Первыми мы с сопровождающим там отметились, ну а потом и остальной экипаж подтянулся. Пока их ожидали в курилке, успели знакомых из местной эскадрильи встретить, поболтать немного на общие темы.

Ну и затягивать со стоянкой не стали. Все-таки нам еще полстолько лететь. И добраться до места хочется засветло. Нет у меня никакого желания по темноте садиться...

На датском аэродроме нас ждали. И связь мы с местным КП установили заранее, еще на подходе. Вызывать столичный аэродром начали сразу же после прохода острова Борнхольм. И с третьего раза очередная попытка оказалась успешной. Прямо обидно за наше раздолбайство. Единственное, так это решил не нагнеть и не идти напрямую через земли Швеции, а уйти южнее, облететь королевство морем. Так что и Треллеборг, и Мальме со всеми их красотами остались далеко в стороне по правому борту. Да и ладно.

Сели без проблем. Развернулись в сторону ангаров. И на земле все отлично – встретили и сразу же обозначили нам место стоянки. Зарулили на указанное место, выключились, самолет покинули. Дальше сопровождающий наш в дело вступил, с местными общаться начал. Первым делом по моей просьбе насчет заправки уточнил. Вторым насчет нашего размещения. Устали за день, уже отдых требуется. Ну и питание, само собой.

Заправить самолет пообещали завтра с утра, а сейчас всему экипажу предложили усаживаться в машину и отправляться на отдых. Поехали, чего уж тут.

После размещения пришлось остаться в номере, а вот сопровождающий наш ушел по каким-то своим делам. Мой естественный порыв отправиться с ним сразу же остановил, предложил оставаться с экипажем и отдыхать. Да и ладно, меньше знаешь – крепче спишь. Насчет сна это я своевременно подметил. День сегодня длинный, пришлось поработать. И вроде бы особого ничего и не делали – подумаешь, десяток часов в общей сложности, ну или чуть больше отсидели в кабине самолета, на облака да на землю сверху вволю полюбовались. Не кирпичи ведь грузили... Но это только так кажется. Нагрузка на организм, на нервы еще какая! Хоть и находишься на одном месте, но зато в постоянной готовности к чему-нибудь этакому, нехорошему. И гул моторов постоянно слушаешь, не изменилась ли тональность в их работе... За показаниями приборов приглядываешь, за их подрагивающими стрелочками... Да и вообще ко всему прислушиваешься, за всем приглядываешь. Ну, мало ли что может в полете произойти... Например, крылья отвалятся! Смеюсь, но и такие случаи бывали. Так что в каждой шутке есть всего лишь малая доля шутки, а все остальное чистая правда...

Ну и многие другие факторы, вроде бы и малозначащие в своей частности, но вот когда они все в совокупности... Короче, на взгляд непосвященного ничего не делаешь, а на самом деле выматываешься до чертиков.

Ну а с утра началось...

Первым делом меня наш сопровождающий разбудил. Ему-то вчера вольготно пришлось, практически весь полет, что до Кенигсберга, что потом до Копенгагена попросту подрых без тени сомнения и без задних ног. Ну а сытый голодного не разумеет, то есть выспавшегося... Ну, да ладно, не о том речь. Короче, ворвался сей господин в штатском в мой номер и даже не извинился за свои действия. И первым делом мне под нос газету сунул, раскрытую на нужной странице:

– Читайте, Сергей Викторович!

– Да что читать-то?! – я не то что глаза не успел продрать, даже толком-то и проснуться не успел!

– Вот здесь же! – и нарушитель моего сладкого утреннего сна самым некультурным образом пальцем в нужную статью ткнул.

– Ага... – послушно уставился я глазами в четкие типографские строчки. – Вы издеваетесь?

Отбросил в сторону скомканную газету, решительным движением скинул одеяло и опустил ноги на прикроватный, чисто символический по своим весьма малым размерам, коврик.

– Да вот же! – не успокаивается этот... Эта нехорошая личность. Подхватывает газету, распрямляет скомканные листы и вновь намеревается мне это дело под нос сунуть. – Читайте же!

– Милостивый государь! – не выдержал я подобных непоняток. – Потрудитесь отойти чуть в сторону. Это первое. И второе. Если вам невдомек, то поясню. Не все в этом номере владеют датским языком. Я вот точно не владею. Потому-то и не могу прочитать то, что вы мне тут под нос суετε.

Раздражение все-таки вырвалось наружу, как я ни пытался себя сдерживать. Только вот для сопровождающего нашего это мое раздражение мимо пролетело.

– Да? Извините, как-то я не подумал. Тогда позвольте, я вам своими словами перескажу?

– Позволяю, что уж тут, – пробурчал я, натягивая брюки и сапоги. Понял уже, что не отделаюсь от него никак этим ясным солнечным утром.

– Здесь написано, что в Петербурге начались народные волнения!

– Ну, волнения, ну, начались... И что? – встал, накинул китель, притопнул сапогами, чтобы по ноге сели.

– Как что? – возмутился мой собеседник.

– Да так! – поддразнил его, подхватил полотенце и шагнул к двери в умывальную комнату. Остановился на полпути и повернулся к явно ошеломленному моими последними словами человеку. – Вы, прошу прощения, вообще кто?

– Я вас не понимаю. В каком смысле?

– Да в самом прямом! Николай Степанович вас для чего к нам в экипаж определил?

– Оказывать всяческую поддержку здесь, в Дании.

– Вот и оказывайте! А к событиям в России эта поддержка никакого отношения не имеет!

Вы насчет заправки вопрос с датчанами согласовали?

– Нет. Не успел еще.

– Само собой. Зато с газетами явно ознакомиться успели! – помолчал несколько секунд, давая человеку осознать всю глубину своей вины, и продолжил: – Вы на КП были? С консульством нашим связывались? Что, тоже нет? Тогда займитесь лучше своими прямыми обязанностями!

Поддержку он оказывать должен! Присматривать ты за мной должен был, вот что! Да, так оно будет вернее. Так и присматривай, выполняй свою работу, а не в панику ударяйся всей мордой. Как-то не вяжется подобное поведение этого сопровождающего с суровым имиджем батюшинской Конторы. Или это совсем левый кто-то. По какой-то причине вылезший из машины Николая Степановича. А, вообще, ну их всех к дьяволу! Со своим бы разобраться... Слишком много загадок образовалось в последние дни.

В очередной раз наш сопровождающий объявился после завтрака. Где-то через час. Как раз мы в себя начали приходить. Ну и у меня было время над услышанной новостью поразмыслить. Не удивился я услышанному. Чего-то эдакого подспудно и ожидал, к этому все и шло. Теперь бы только вся эта заварушка большой кровью не закончилась...

А дальше мы к самолету поехали. Подготовили его к вылету, вот только топлива так и не дождались почему-то. Потом пришлось все-таки ехать в русское консульство и уже там выяснять настоящую подоплеку всех этих газетных уток. К большому сожалению, ничего конкретного узнать не удалось. Нашего консула вызвали в королевский дворец для разъяснения обстановки в России. А что он нового мог там сказать? То же самое, что теперь все вокруг из газет

знают. Да, в Петрограде народные волнения. Есть раненые и убитые, повсеместно проходят столкновения с полицией. И на этом все...

Уже перед уходом удалось как бы невзначай подслушать оброненную кем-то фразу об отсутствии связи с Петроградом. Якобы мятежники захватили телеграф... Однако повторяется история-то...

Так что и нас попросили пока находиться в нашей гостинице. А за новостями приходите позже, ближе к вечеру, а лучше вообще завтра к обеду. Так мы и решили сделать. Выходато особого не было. Хотя все рвались вернуться домой. У всех семьи в столице. Так что без переживаний и волнений не обошлось. Да и я сам по вполне понятным причинам места себе не находил. Мало ли что там может случиться... Но и прямое указание своего непосредственного начальника не посмел нарушить. Есть у меня надежда на благополучное разрешение этого столичного конфликта, благодаря кое-каким намекам Николая Степановича. Если, конечно, они там не прозевают с его локализацией и этот народный, или чей он там, пожар не разгорится во что-то большее. Ну мысли кое-какие собственные имеются. Предполагаю, для чего это все затеялось. Лишь бы мои догадки совпали с реальностью...

Пользуясь случаем прогулялся по городу, зашел в свой банк, проверил содержимое арендованной ячейки. Лежат мои драгоценности... Те самые, что мне когда-то очень давно удалось захватить у грабителей в Пскове. Грабители у немецких промышленников, а я у грабителей весьма удачно экспроприировал... Ну и пусть пока лежат. На черный день...

Назавтра новости были вообще неутешительные. Местные газеты всю пишут об одном – в России началась буржуазная революция. Точно такая же, как и в Германии, и во Франции. Тут уже не до выполнения приказов было – общим желанием экипажа было решено вернуться назад. Сунулись к самолету, а нас назад и развернули...

Охрана стоит вокруг нашего самолета и нас же к своей технике не подпускает! Оприходовали уже местные новейшую технику... Подсуетились!

И силой не пробьешься, слишком их много. Пошумели малость для приличия, пообещали, как водится, жаловаться консулу и покинули аэродром.

Угрозу свою решили не откладывать и всем кагалом сразу же проехали до русского посольства. Всех до приемной не пропустили, остановили внизу, в просторном холле. Мы же с сопровождающим поднялись наверх, где пришлось еще и подождать около получаса до приема...

Ну, что сказать? Посол наш и сам практически все новости узнавал из прессы. И наши проблемы и заботы ему сейчас явно до одного места были... Со своими бы как-нибудь разобраться. Тем не менее пообщались. Порекомендовал не поддаваться на провокации и так далее и тому подобное. Короче, говорил всю ту лабудень, которую им положено говорить в подобных случаях. Ну, когда от них ничего не зависит и когда сами ничего решить не могут, а лицо терять не хочется.

Вышли во двор, а здесь уже столпотворение. Не одни мы за новостями пришли. Русских подданных, оказывается, в Дании хватает. И все на нервах, все чего-то требуют и шумят. Ну и само собой, сразу же на нас с вполне понятными вопросами накинудись, в разные стороны потянули, чуть не разорвали на тысячу мелких клочков. И охраны никакой, самоустралилась она – и правильно сделала. Иначе бы и ей не поздоровилось. Пришлось выкручиваться из положения, забираться на возвышение, коим фонарный столб оказался, и уже с его тумбы во весь голос озвучивать последние новости. Впрочем, ничего нового сказать я не мог, все это в утренних газетах можно было прочитать. Зато хоть нас в покое оставили. Упс, поторопился я с выводами насчет оставили.

Самые ушлые из этой толпы все мигом сообразили и вцепились в меня, словно репей. Дождались момента, пока основная масса подданных великой империи в здании не скроется и весьма настойчивым образом приступили к моей планомерной осаде. Даже окружили со всех

сторон довольно-таки грамотно. Не вырвешься без скандала и привлечения к нам лишнего в этой связи внимания. Ну и не стал вырываться, а предпочел выслушать предложения – мол, мы же на самолете? На самолете... А значит, обязательно должны в самом скором времени домой вернуться? Конечно, должны... А раз так, то и следующее вполне закономерное предложение не заставило себя ждать. Предложили эти ушлые себя в качестве пассажиров. Вместе со своими ближними, само собой. Огромные деньги предложили за подобную возможность.

Думаете, отказался? Как бы не так! Не та ситуация... Но и обнадеживать никого не стал. Объяснил, что самолет у нас пока арестован и подобной возможности может не представиться вообще. Так что и рад был бы помочь, но... Еще и руки в стороны развел, с выражением явного сожаления на лице.

Съездили к самолету, попробовали еще разок безуспешно пройти к своей технике. Вернулись в гостиницу и начали разрабатывать операцию по возвращению своего движимого имущества. Собрались в моем номере, обсудили наши реальные возможности. Возможности оказались весьма слабыми. Вот где мне Степана-то не хватает... Или прежнего экипажа... А с этим особо каши не сварить, придется на одного себя рассчитывать...

Само собой, люди мы все военные, кое-кто даже в боевых действиях поучаствовал, но здесь не окопы, здесь совершенно другие навыки нужны. А подобные навыки есть лишь у вашего покорного слуги. И даже наш сопровождающий ничем таким особенным порадовать не смог. Непонятно, для чего Батюшин его нам подсунул? С какой целью? Сексотить? Но что имеем, то имеем, придется работать с тем, что есть. Выработали какой-то план, выдвинулись к аэродрому с наступлением темноты. На что рассчитываем? Да лишь на то, что никто не ожидает от нас подобной наглости! Привыкли к своему законопослушному народу...

Действовать решил по канону. Под утро, как это всегда и бывает. Зачем менять или отказываться от того, что до нас миллионы тысяч раз успешно опробовали? Правильно, незачем. Поэтому темной ночью, в самую так называемую собачью вахту, я во всем темном и не скользящем движении пробираюсь к самолету. В комбезе то есть. Я – к самолету, а остальной мой экипаж к караульному домику.

Осмотрелся осторожно, потихонечку вокруг стоянки обошел, прокрался. Счастье-то какое! Сплошное оцепление было снято. Похоже, успокоило датчан наше мнимое равнодушие и бездействие, отсутствие видимой реакции на явный арест нашего имущества. А зря они успокоились... Но нам-то это как раз на руку!

Пришлось обойти самолет еще разок по кругу. Чтобы удостовериться в сделанных выводах. Очень уж ошибиться не хочется. Хорошо еще, что погода словно по заказу. Поднялся с вечера небольшой ветер, нагнал хмари да облачности. Правда, облачность та была довольно редкой, но и за то большое наше мерси матушке-природе.

Дождлся пересменки караула, выждал еще полчаса и начал работать. Действовать пришлось жестко, без всякой жалости. Но и без смертоубийства желательно. Мне еще в эту страну не один раз придется возвращаться. Да и дела у меня в столичном банке имеются. Поэтому нужно постараться обойтись без уголовного преследования. Как там говорилось? Бить буду аккуратно, но сильно? Вот так и бил. Сильно. И по голове, защищенной, между прочим, уставным головным убором. Зимним. Оттого и пришлось сильно бить. Караульные-то не по одному ходили, а по двое. А сами попробуйте двоих одновременно успокоить... И ведь именно успокоить, а не упокоить. Последнее было бы значительно проще. А вот первое...

Тяжкое это дело, но возможное. Да и не совсем одновременное, ну, почти не совсем. Отработал, как учили. После еще на всякий случай классику вспомнил, руку к шее каждого упавшего приложил, постарался пульс нащупать. Нащупал какое-то биение. Хотя не особо и ошибусь, если скажу, что это у меня в пальцах от волнения колотилось. Несмотря на довольно прохладную ночь, с меня пот градом лил, до того жарко было. Отвык я от подобных дел за

прошедший год. Расслабился на вольных хлебах. А тот случай в забайкальской тайге не в счет. Там так, слишком быстро все произошло. Я даже и испугаться особо-то не успел...

Но вернемся к нашим делам. А то ишь, в воспоминания ударился. Тоже подходящее время и место для этого нашел... На мое счастье ночное освещение стоянки полная дрянь, да еще и под порывами ветра не только сами столбы раскачиваются, но и отражатели с лампами туда-сюда мотаются, тени причудливые в разные стороны разбрасывают. Захочешь что-то различить, не сможешь. И скрипят эти жестянки-отражатели жуть с каким противным звуком. Так что зря я так волнуюсь. Но и медлить нельзя, совсем уж лопухов в подобной службе не бывает. Если только они сами не лопухнутся...

Со второй парой малость перестарался. То ли от страха бил сильнее, то ли просто переусердствовал, но когда на колено возле тел присел да сунулся пульс нащупывать, пальцам горячо стало. Горячо и склизко. Сразу дошло, в чем дело-то может быть, проломил голову-то караульному. Догадаться-то догадался, но удостовериться в догадке не помешает. Руку в сторону мельтешащего света поднял, а пальцы-то и впрямь темные до черноты. И липкие. Опять же к носу поднес, понюхал – характерный запах-то, ни с чем не спутаешь. Сплюнул со злости в сторону разом набежавшую в рот слюну, выругался, про себя само собой, но пульс все-таки проверил на всякий случай. Вроде бы стучит что-то. Глядишь и выживет...

Выпрямился, пошел в полный рост под свет, под тот самый фонарный столб. Остановился, руками помахал над головой, сигнал тем самым подал своим. Но те уже и двери в караульное помещение заблокировали. Особо мудрить не стали, подперли ручку лопатой. Просто и со вкусом. Надолго эта преграда служивых не задержит, но нам надолго и не нужно. Лишь бы запуститься успеть, вырулить да взлететь...

Что и получилось – запустились успешно. Вот только дальше все не по плану пошло. Похоже, кто-то в давешней толпе соплеменников у нашего посольства оказался толковей, чем я думал. Ну и спрогнозировал наш сегодняшний побег. Спрогнозировал и до своих довел. Хорошо еще, что не до всей той толпы, а до самых ушлых. Сообразил, умница, что самолет всех не заберет. Особенно если учесть, что мы его так и не дозаправили после посадки...

Короче, запустились, фары включили... Только тормоза отпустил, как пришлось сразу же вновь оттормаживаться. Хорошо еще, что стронуться с места не успели. Потому как в свете фар и увидели набегающую на самолет группу штатских. Честно скажу, были бы здесь одни мужчины, даже и не подумал бы тормозить. Все равно бы успели разбежаться. Но женщины и дети... Вот и пришлось оттормаживаться, открывать двери и в быстром темпе принимать на борт неожиданных пассажиров. Ну и, само собой, за это время смогли освободиться запертые в караулке бойцы, возмущение которых я вполне понимал. А вот они наши справедливые намерения и точно такие же действия почему-то понимать не хотели. Потому-то и открыли, сволочи, стрельбу сразу на поражение. Хорошо хоть к этому времени мы всех пассажиров успели загрузить...

РУДы на взлетный сунул, тормоза бросил, развернулся практически вокруг стойки и, набирая скорость, понесся прямо на вспышки выстрелов...

Потому что другого выбора не было. Как и другого пути. Заруливали-то мы после посадки на стоянку... Вот и выруливать отсюда тоже нужно было как раз мимо этого гадского домика. А иначе на полосу никак не попасть было. Да еще и под пулями, да с гражданскими на борту... Короче, переключило меня от злости. Да и почему-то уверен был в правильности своего решения. Разбегались мы курсом точно на караульное помещение. С ба-альшим удовлетворением в душе, даже со злорадством в ней же увидел метнувшихся в разные стороны бойцов. Бросающих свои винтовки в попытке ускользнуть от винтов, сохранить свои жалкие никчемные жизни. Вот честное благородное слово, так и подумал – жалкие и никчемные...

Спасло то, что заправить самолет не успели. Взлетный вес даже с учетом дополнительного груза до максимального не дотянул. Ну и в самый последний момент все-таки не стал рисковать

и испытывать судьбу на прочность – отвернул чуть в сторону. Боком, боком подорвал самолет, потянул-поддернул штурвал на себя, помощник со своей стороны из всех сил помог тянуть... Даже придерживать немного пришлось, а то бы перетянули вдвоем от такого усердия. Ну и бортиженер масло из РУДов выдавливал, с такой силой их вперед давил, что даже упоры ограничительные маленько погнул.

Перетянули чудом через караулку, через невысокий беленый штакетник оградки, дальше чуть было не упали, вниз плюхнулись... Стойки на себя весь удар приняли, жалобно брякнули. Да так, что даже нам в кабине слышно было. Тут же амортизаторы распрямились, подкинули машину в воздух... А дальше винты подхватили тяжелый аппарат, потянули его вперед... Так и ушли на предельно малой высоте...

Как только немного набрали скорость, как только штурвал перестал в руках болтаться, словно то самое, в приличном обществе не упоминаемое, которое в проруби бултыхается, как сразу же и команду дал на уборку шасси. Ну а дальше стало проще. И скорость быстро пошла вверх, и можно было от земли отойти – окраины-то городские столичные вот они, рукой можно дотянуться. И потихонечку уходить вправо, в сторону моря... И все время не давало покоя одно, а ведь по нам успели не один раз выстрелить... А куда попали-то? Ну не могли же они все промахнуться? Закон подлости еще никто не отменял, поэтому обязательно сейчас должна какая-нибудь гадость случиться...

Глава 4

Городские огни остались где-то далеко слева. Вокруг пока полная темень, несмотря на скорый рассвет. И до береговой черты рукой подать. Вот только по такой темноте никак не определить, где она, эта черта. Будем в точности придерживаться нашего маршрута, обойдем Швецию, Борнхольм и скоро будем в Кенигсберге...

Лететь не так и далеко, но времени поразмышлять хватило. Непонятен сам факт попытки ареста самолета. Зачем, для чего? И ведь именно самолет арестовали, а не нас. Хотели захватить задарма технику? Так ее купить у нас проще простого... Или я чего-то не знаю, не понимаю?

А теперь вот приходится в срочном порядке возвращаться назад, вопреки приказу Батюшина. Не выполнил я задание...

После посадки первым делом на местный КП направился. Вдвоем с нашим сопровождающим. Нужно узнать последние новости, доложить о возвращении, попытаться связаться с Батюшиным. Если это, конечно, возможно.

За нами следом все пассажиры увязались. Но это правильно. Теперь бы поскорее их сбавить на местное начальство, пусть отправляют на вокзал. Хмыкнул, оглянувшись. Потому как припомнилось недавнее: а как лихо они из самолета на землю вывалились после приглашения покинуть самолет... Быстрее только в этот же самый самолет запрыгивали, когда остаться там, на полуострове, опасались...

А вот и знакомое КП. И все пассажиры эти вынужденные в один момент из головы вылетели. Ну, что сейчас тут нам нового скажут? А ничего не сказали, руками развели, да и только. Хорошо хоть на постой определили и на пищевое довольствие поставили.

Отбили телефонограмму в Петроград, вышли на улицу – теперь не то, что раньше. Теперь нужно ждать ответа. А когда этот ответ придет, неизвестно. Но и это хорошо. В смысле, что придет. А то может и не прийти. Запросто в таких-то условиях. А пока ждем – можно заправить самолет, после этого пообедать и устроиться в гостиницу. Ну и одежду привести в порядок, в первую очередь. После ночных-то приключений...

Царское Село

Вечер. Заходящее солнце с трудом пробивалось через плотно задернутые шторы, находило в них незаметные глазу щели, просвечивало сквозь плотную ткань, и в этом рассеянном предзакатном свете вспыхивало в кабинете редкими золотисто-пыльными искорками. И как-то умудрялось подсвечивать и мебель, и находящиеся в кабинете людей. Да еще потрескивающий огонь в камине давал дополнительный свет. Мать и сын выслушивали ответы своих приближенных.

– Это точно? Весь экипаж, кроме их командира, на месте?

– Да, ваше императорское величество, – коротко поклонился Батюшин.

– А полковник, получается, пропал вместе с самолетом?

Николай Степанович утвердительно склонился в очередном дворцовом поклоне.

– И никто ничего не видел, не слышал и не знает? – показное нарочитое удивление едва едва проскользнуло на лице вдовствующей императрицы. Так, чтобы можно было точно обратить на него внимание.

– Так точно, ваше императорское величество, никто и ничего, – в очередной раз за сегодня кивнул генерал.

– И ваши люди, конечно, тоже ничего не заметили? – Мария Федоровна перевела требовательный взгляд на стоящего рядом с Батюшиным Джунковского.

– И мои, – потупился шеф жандармов, скосив при этом глаза чуть в сторону, на укрывающегося в тени лампы императора.

– Удивительные вещи происходят у нас в империи. Среди бела дня неизвестно куда улетает наш самолет, причем улетает без экипажа! И никому нет до этой вопиющей безалаберности никакого дела? – Мария Федоровна даже голос при этом не повысила ни на йоту, а присутствующие в кабинете люди поежились, словно от озноба. – А что говорит командир местной эскадрильи? Что молчите? Владимир Федорович, Николай Степанович, я жду от вас немедленного ответа!

– По горячим следам удалось установить, что Грачев вышел из офицерской столовой, весьма тепло встретился с какими-то своими старыми знакомыми, коротко переговорил с ними о чем-то в курилке. О чем именно и на какую тему они разговаривали, никто не знает. После чего полковник, отпустив экипаж на отдых, проследовал к самолету, – первым, предварительно переглянувшись с Джунковским, начал отвечать Батюшин. – Вместе с этими своими старыми знакомыми. Большого, к сожалению, нам узнать не удалось. Как и не удалось пока узнать, что это были за знакомые.

– А вам что известно, Владимир Федорович?

– Могу только добавить, что после взлета на землях нашей империи самолет Грачева не приземлялся...

– А где он приземлялся? – Мария Федоровна подошла к висящей на стене большой карте Европы и Азии.

– Именно это мы сейчас и выясняем, – оба офицера при этом одновременно развернулись в сторону императрицы. – К сожалению, по понятным причинам дело это весьма хлопотное. Поэтому на скорые результаты надеяться невозможно.

– Могло ли произойти именно то, чего мы с вами так опасались, Николай Степанович? И на что рассчитывали? – наконец-то высказал общие опасения Николай Александрович, продолжая тем не менее оставаться в тени.

– Государь, – Батюшин вытянулся во фрунт. – Полагаю, что да. С большой долей вероятности все именно так и обстоит. Григорий Распутин благополучно добрался до Крыма и сейчас находится в Евпатории. Никаких попыток его похищения или физического устранения нами замечено не было. Выходит, что *они*, – Батюшин совершенно не по этикету, как-то простежки мотнул головой на верхний левый кусок настенной карты Европы, – решили сделать ставку именно на второй вариант, как наиболее перспективный для них в данное время. И наиболее активно используемый нами.

– Полагаете, все-таки бывшие союзники? – поморщился Николай Александрович. Коротко переглянувшись с матерью, кивнул каким-то одним им понятным выводам и поднял глаза на Джунковского:

– А вы что скажете, Владимир Федорович?

– Согласен с его высокопревосходительством, – не стал юлить жандарм.

– Тогда пора приступать к завершающей части нашего плана, господа...

Грачев

И дернуло же меня откликнуться на это приветствие. Ну мало ли когда и где я с этими господами встречался? Да и встреча та была весьма мимолетной. Можно же было просто кивнуть в ответ и мимо пройти, сослаться в крайнем случае на служебную необходимость... Так ведь нет, обрадовался, что хоть какая-то возможность появилась о последних столичных новостях узнать...

Потому-то и согласился на продолжение разговора в более благоприятных условиях. Ну и что дальше было? Кажется, самолет между делом попросили показать? А я, дурень, и обрадовался, похвастаться захотелось. Ну а кто бы не захотел? Да вполне понятное желание. Так, это я еще помню, а что за этим последовало?

Не помню ничего... То ли по голове получил, то ли опоили чем-то. Поскольку голова что от первого, что от второго болит одинаково. И даже не болит, а гудит, что тот корабельный паровой ревун.

А ведь я в своем самолете сейчас нахожусь...

Повозился, стараясь хоть как-то повернуть голову. Ну, чтобы хоть немного осмотреться. Ведь сейчас на боку лежу, головой к борту. И руки за спиной довольно-таки крепко связаны. И ноги тоже. Связаны-то крепко, но достаточно профессионально. Поскольку пока еще не затекли.

Да еще вдобавок самолет мой находится в воздухе! Летим мы куда-то...

И получается так, что самолет-то мой угнали! Ведь экипаж я отпустил отдыхать, вместе с помощником и бортинженером. А за штурвалом, так получается, те самые мои знакомцы еще по Москве...

– Очнулись, господин полковник? – чьи-то сильные руки одним движением вздернули меня на ноги и сразу же уронили на сиденье. Хорошо хоть усадили при этом, а не плюхнули снова на бок. – Тогда пока здесь посидите. Или вы на полу лежать предпочитаете?

Издевается, собака этакая. А еще русский человек... Правда, этого я в первый раз вижу. Но и отвечать ему ничего не стал. Да какой он к чертям русский? Продался за долю малую. А вот сейчас зря я так про себя подумал и настолько мало себя же и оценил. Хотелось бы, чтобы продали меня не за малую, а наоборот, за большую долю. Вот только не подумайте мою шутку всерьез воспринимать. Смеюсь я таким образом над своим очередным попаданием в плен. Смеюсь над своим невезением, над неудачливостью... Хотя тут не все так однозначно. Ну какая к черту неудачливость и невезение? Если я до сих пор живой? Наоборот, везет мне по этой жизни! Ага, как утопленнику. То руки вяжут, то бессознательной тушкой в качестве груза в какую-нибудь кабину закидывают, а то, вообще, по голове стучат. Последнее, кстати, чаще всего происходит почему-то. Оттого-то и мысли у меня сейчас такие дурацкие, что голова напрочь отбита... И снова я шучу, смеюсь над собой. А как иначе-то? Иначе свихнуться можно от всего этого. Не просто так ведь меня в плен взяли. Продал кто-то господина полковника. Вот что самое обидное. А этот плен, это так, мелочи, на которые приходится обращать внимание именно из-за этих временных неудобств. Ну и из-за резкого нарушения всех моих жизненных планов. А ведь мог сейчас по питерским улочкам под ручку с Лизой прогуливаться... М-да... Доведется ли еще когда-нибудь прогуляться...

Такие вот мысли промелькнули в голове. И хотелось бы отметить, что промелькнули в одно мгновение. А потом еще и мгновенно оценил окружающую обстановку, и наметил для себя какой-то конкретный план освобождения... Хотел бы, да что уж себя-то обманывать. И ничего я не оценил, и ничего не наметил. Голова-то так сильно болит, что от гула моторов зубы наружу стремятся выпрыгнуть. Не до планов мне сейчас...

Зато появилась прекрасная возможность осмотреться. Болит голова или не болит, а все равно вся грузовая кабина перед глазами. Лежа на полу много не увидишь, а сейчас совсем другое дело. Только что тут осматриваться? Самолет мой, не ошибся я, а несколько человек вокруг... Никого из них не знаю и никогда не видел. Присматривают за мной, опасаются, похоже. Иначе бы не держали связанным.

Нет, шансов освободиться именно сейчас у меня нет. Даже если бы и умудрился развязать руки, то вряд ли сумел до дверей без шума добраться.

Один из моих вынужденных спутников поднялся, прошел к открытой нараспашку двери в пилотскую кабину, остановился на пороге. Мне отсюда не слышно из-за гула моторов, но,

похоже, известил кого-то там о том, что я пришел в себя. Все правильно, угадал я с выводами. Выходит, несмотря на сильную головную боль, с мозгами у меня все хорошо. Вот только результаты этого вывода весьма неожиданны для меня – из кабины мой сопровождающий выглянул. Осмотрел меня издали самым внимательным образом, кивнул и что-то приказал коротко вестнику. Да что тут происходит-то? Очередные батюшинские заморочки?

Недоумение мое так и осталось неразвешанным, как и тут же заданные вслух вопросы. Никто не поторопился с ответами, да и вообще немногочисленный народ в кабине словно бы удовлетворился тем, что я очнулся, и перестал после этого обращать на меня хоть какое-то маломальское внимание. И даже на мою просьбу насчет попить никто не откликнулся. Ладно. Поерзал пятой точкой на жестком сиденье, откинулся лопатками на вертикальную панель внутренней обшивки борта, стараясь уместить связанные за спиной руки хоть немного поудобнее, покомфортнее, и прикрыл глаза, еще раз мысленно прокручивая последние воспоминания.

А не особо получается с думами-то. И головная боль мешает, и гул моторов эту боль настолько усиливает, что не только думать, а вообще существовать не хочется. И вообще, что за жизнь у меня тут сложилась? Снова мысли побежали по кругу. Сколько раз за эти два года меня похищали, били по голове, пытались тем или иным способом лишить жизни? Много... Даже со счета сбился, сколько раз...

А потому что нечего было высываться! Сидел себе тихонько, ну и продолжал бы сидеть. Так ведь нет, о высоких материях задумался, о предназначении собственном... Вот и получаю заслуженное...

И тут же разозлился сам на себя. Это еще что за метания? Слабости мне только здесь не хватало! Еще поплакать всем присутствующим на радость осталось! Делай, что должно, и будь, что будет! Вот это и есть истина, это правильно! А все остальное ерунда. Потому что вляпался я сейчас в прогнозы батюшинские по самые уши. Получается, правильно предупредил меня Николай Степанович, не нужно было мне возвращаться в страну. Подумаешь, самолет датчане арестовали... Нас же никто не тронул? Ну и сидели бы себе дальше в гостинице спокойно. А там бы все постепенно само собой утряслось. Наверняка ведь. А я заспешил, заторопился. Почему? Да потому что самолет свой собственный не захотел в чужих руках оставлять. Слишком много в него сил и средств вложено, слишком много идей новых и нигде доселе невиданных. Вот и не довела спешка до добра. А теперь вариантов немного. Или в Германию везут отчитываться за старые грехи, или в добрую старую Англию, где меня тоже давно с нетерпением и распростертыми объятиями радостно ждут...

Так и отключился незаметно для себя самого за всеми этими самокопаниями. И пришел в себя или проснулся лишь на посадке от жесткого удара колесами о грунт. Да, посадка далеко не мастерская...

Из самолета никто меня не выпустил. Даже в туалет пришлось сходить здесь же, в кабине, в подставленное ведро. Руки-ноги вот только перед этим все-таки развязали, не стали позорить. И сразу же вновь связали после того как. Ноги только оставили свободными. И за то спасибо. Ну а пока дело свое важное в жизнь претворял, хоть что-то успел в открытый дверной проем заметить. И в бортовые окна умудрился между прочим мельком заглянуть. И увиденная на людях чужая форма мне совершенно не по душе пришлась. Точно, правильно я догадался, в Германии мы сейчас. Ну а судя по резкому запаху бензина, нас сейчас дозaprавят, и мы еще куда-то перелетим. Куда? Берлин или что-то еще? Не знаю. И посвящать в подробности меня никто не собирается. Да-а, дергаться смысла не вижу. Чтобы до выхода добраться, мне нужно будет всех в грузовой кабине положить. Что совершенно нереально. Ну не Джеймс я, не Бонд...

А вот и заправщик нарисовался, судя по рокоту автомобильного мотора и по характерным металлическим лязгам обшивки снаружи. Заправочные лючки открывают. Пошел процесс. И еще одно, не менее интересное. Из пилотской кабины так никто и не показывался за все это время. Ну если не считать мимолетное выныривание того самого моего сопровождаю-

щего. Бывшего, что ли? Потому что... Ну, судя по всему, продал он меня немцам за сколько-то серебряников. Сволочь...

Да, немцы, не ошибся я насчет формы. Донесшаяся до моих ушей лающая чужая речь никому другому не могла принадлежать. Да и этот язык я хорошо знаю. Потому и понял, о чем речь. Впрочем, никто там, снаружи, таиться и делать какого-то секрета из своих слов не собирался. А говорили о самолете. Кто-то спрашивал, что за чудо и кто его сделал. Да мы его и сделали... Вот только хвалиться этим по понятным причинам не стал. Да и не смог бы. Потому как руки мне быстренько спутали и на прежнее место определили. А позже уже вообще стало поздно куда-то дергаться – двери закрыли и моторы запустили. Снова куда-то летим...

На этот раз перелет был чуть дольше предыдущего по ощущениям. Зато в иллюминатор напротив удалось море увидеть на развороте. Море и море, какие-то выводы делать рано. Придется ждать.

Сели, зарулили куда-то, остановились и выключили моторы. Из пилотской кабины сопровождающий мой показался, а за ним и пилоты. А ведь не ошибся я в своих воспоминаниях после удара по голове, это те самые мои знакомцы и есть. И ведь никто из них на меня никакого внимания не обращает, словно и нет меня здесь. У-у, суки-и...

Дверь открыли, лесенку установили. А внизу уже встречают. И разговоры идут на английском языке. Понятно, где мы. Сбываются прогнозы Николая Степановича...

Развязывать меня не стали, пришлось из самолета со связанными руками выходить. При тормозил на обресе дверного проема, осмотрелся быстренько. Тут же в спину толкнули – чуть было со ступенек вниз головой не навернулся. Хорошо, поддержали тут же сзади за воротник. Так и ступил на местную землю с задранной на лицо курткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.